

ПОЙМАТЬ ОКЕАН



Виктория Войцек

Виктория Войцек

Поймать океан

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70107163

Поймать океан / Виктория Войцек: Альпина Паблишер; Москва; 2024

ISBN 9785961493559

Аннотация

Парящие острова, летающие корабли, манящий и одновременно пугающий океан далеко внизу... Юная Асин выбрала небо, решив стать крылатой разведчицей, хотя она все равно грезит о волнах, в которых когда-то пропала ее мать. С каждой новой миссией и уничтоженной аномалией Асин собирает по кусочкам таинственную историю матери. Но в то же время она рискует потерять все, чем дорожит, включая единственного друга и напарника – Вальдекриза.

С хлопком расправились крылья, заскрипела деревянная конструкция – и ветер, холодный, свежий, ударил в лицо. По коже – будто это первый полет, каждый раз будто первый, – от кончиков пальцев вверх побежали мурашки. Мир перестал существовать: остались лишь небо, вечное небо, и сама Асин.

Зачем читать

- Отвлечься от рутины и погрузиться в тщательно выписанный фантастический мир;

- Прожить вместе с героями трогательную и будоражащую воображение историю дружбы и любви в атмосфере постапокалипсиса;

- Расшифровать подсказки, спрятанные в тексте книги, и разгадать тайну главной героини.

Хорошо. Только как-то неправильно. Оттого и хотелось под защиту, под крыло и – подальше от чужих островов и тайн, к привычному миру, который начинался в глубоких лесах, где росла самая ароматная земляника, а заканчивался у причала.

Для кого

- Для подростков 16+;
- Для любителей циклов «Воздушный народ» Холли Блэк и «Хроники Нарнии» Клайва Стейплза Льюиса;
- Для поклонников творчества Хаяо Миядзаки («Унесенные призраками», «Ходячий замок», «Небесный замок Лапута»).

Содержание

Пролог	11
Рынок	19
Два крыла на двоих	35
Чижик	59
Железный Город	107
Заброшенный храм	140
Неумирающая армия	167
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Виктория Войцек

Поймать океан

Литературный редактор: *Анастасия Маркелова*

Издатель: *Лана Богомаз*

Генеральный продюсер: *Сатеник Анастасян*

Главный редактор: *Анастасия Дьяченко*

Заместитель главного редактора: *Анастасия Маркелова*

Арт-директор: *Дарья Щемелинина*

Руководитель проекта: *Анастасия Маркелова*

Дизайн обложки и макета: *Дарья Щемелинина*

Верстка: *Ольга Макаренко*

Корректор: *Наталья Шевченко*

Иллюстрация на обложке: *Namen*

© Виктория Войцек, текст, 2023

Иллюстрация на обложке © Namen, 2023

© ООО «Альпина Паблицер», 2024

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее ча-

сти, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

*** * ***

MARSH
MALLOW BOOKS

ПОЙМАТЬ ОКЕАН

Виктория Войцек

Marshmallow Books

Москва
2024

Берегите(сь) своих чудовищ.

Пролог

Девочка с волосами цвета пшена, в коротком синем платье, свесилась за борт. Она так хотела дотянуться, понять, что же там такое и почему большие люди в жилетках и высоких ботинках забегали взад-вперед, выкрикивая непонятные слова. Но отец зачем-то схватил ее и оттащил подальше. Он нахмурил белесые брови, в которых прятались солнечные крошки, а взгляд его все равно остался добрым. Глаза чуть блестели.

– Ты не смотри, – сказал он, опустившись перед ней на колени, – что океан под нами. Он далеко. Очень и очень далеко. Свалишься – и не найду тебя, – он вздохнул, разом уменьшился и заключил дочь в объятия, мягкие и пахнущие пряностями и потом.

Тогда она впервые задумалась, что же за зверь такой – океан. Может, это он иногда проплывал далеко внизу, под днищем корабля, – синий, поющий, длинный-длинный, с маленькими плавниками-крыльями по бокам?

Девочка попыталась тоже выглядеть грозно: как и отец, нахмурилась, для убедительности уткнула кулаки в бока и топнула каблуком. Но признаться, что не знает значения слова, не смогла – и просто зарылась носом в отцовский ворот, а руки перекинула через его плечи. Ей почти исполнилось пять. Она уже повидала не один летающий остров, по-

бывала не на одном воздушном судне. Она знала, что такое «рангоут», «такелаж» и другие непонятные обозначения палок и веревок. Но не могла и предположить, кто же он такой – Океан.

– Я его поймаю! – решительно заявила девочка и собрала русые волосы в хвост: так ветру было сложнее их подхватить и хлестнуть ее по замерзшему лицу.

– Кого? – не понял отец, а потом вдруг засмеялся и хлопнул себя ладонью по лбу, словно догадавшись.

Ямочка на его правой щеке плавно переходила в шрам и, когда он радовался, превращалась в складку, тянущуюся к глазу. Про себя девочка звала ее папиной длинной улыбкой и боялась – немножко.

– Океан! – почти выкрикнула она, явно обидевшись, что ее снова не воспринимают всерьез. – Я поймаю! Ты что, совсем мне не веришь?

– Асин.

Отец опустился рядом на одно колено, и Асин заметила морщинки-лапки в уголках его карих глаз. Она протянула руки, коснулась их, а затем подняла брови папы, чтобы он не хмурился. Ведь она не говорила ничего глупого.

– Ты все больше напоминаешь мать. – Он накрутил на палец одну из обрамляющих ее лицо прядей, которые выбились из хвоста. – Она тоже была мечтательницей, постоянно куда-то... даже не бежала – летела. А потом...

О том, что стало с мамой, никогда не говорили. Хотя Асин

казалось, все знали. Знали и скрывали от нее. Даже эти матросы, которых она видела впервые, – были в курсе. У взрослых постоянно были какие-то секреты. Только ей они ничегошеньки не рассказывали.

Но в тот день папа произнес фразу, которая расставила все на свои места.

«А потом она услышала горькую песню без слов. И ей, такой храброй – она ничего не боялась – Аси, стало невыносимо страшно. Она не могла найти себе место, постоянно рвалась к тебе и извинялась. Тогда я не понимал – почему. А потом она поймала океан. И не вернулась».

Слышать это было немного больно.

Маму Асин почти не помнила. От нее остались осколки – грустная улыбка, тяжелые каштановые волосы, похожие на небо глаза. А еще ее всегда не хватало. Особенно остро – когда Асин видела полные семьи. Те, в которых был кто-то, кроме отца.

Папу Асин любила. И если бы он просто попросил ее никогда не думать об океане, она бы не думала. Но он поступил иначе. Хитрее. Настолько, что само это слово стало пугать. Ведь океан, который отец в тот день показал одним взмахом руки, забрал маму. И даже не спросил разрешения. А так, об этом маленькая Асин прекрасно знала, делать нельзя.

– Ты ведь не покинешь меня? – Отец поймал ее маленькие ладошки, коснулся их губами. Только смотрел почему-то не на Асин, а будто сквозь нее.

– Никогда, – ответила Асин и часто-часто замотала головой.

Она поняла: тот, кто ловит океан, делает любящих его людей несчастными. Бросает их, уходит, унося с собой что-то очень важное. Асин не знала, что именно, но без этого жизнь становится какой-то безвкусной, пресной, как омлет, если убрать из него травы и маленькие красные кубики. Папа пробовал так делать, и Асин сердилась. Правда, потом ей объяснили, что еда не появляется сама по себе и добывать ее, особенно когда ты один, порой очень сложно. С тех пор Асин старалась помогать – таскала воду в маленьких ведрышках, мыла тарелки и ковыряла лопатой жесткую землю. Отчасти потому, что так на столе появлялся самый вкусный омлет, но в основном потому, что так папа чаще улыбался.

Видимо, это правило работало всегда и со всем. Чем сильнее стараешься, чем больше вкладываешь сил, тем лучше как тебе, так и окружающим.

А еще кроме Асин у папы никого не было. Он совсем завянет, если останется один. Да и кто тогда напомнит ему, где он оставил ленту? Или сколько фруктов нужно класть на хлеб, чтобы они не сваливались с края? Поэтому Асин решила больше никогда не тянуться к океану и выбрала для себя кое-что другое. Такое же далекое, синее и шумное.

Небо.

Асин давно хотела туда, к птицам. И крылья, настоящие, с перьями. А еще чтобы папа, этот большой человек

с волосами, похожими на ворох соломы, никогда не грустил. Ведь сверху на Первый – огромный летающий остров, где уютился носящий такое же имя город, – куда проще вернуться. Приземлитесь на торговую площадь, ударить подошвами о белые камни, расправить плечи и гордо задрать голову. Правда, раньше крылатая Асин из ее фантазий мечтала устремиться вниз и с размаху удариться о воду, подняв в воздух переливающиеся на солнце брызги.

Оказалось, внизу страшно оставаться одному. И ждать, когда тебя накроет тень летающего судна, откуда спустится длинная веревочная лестница. Это чуть позже объяснит отец, в очередной раз напомнив, что океан опасен. Что он огромен. И неизвестно, кто водится в его глубинах. Многие смельчаки спускали лодки на воду, и если одни возвращались с уловом, то других, как и их суденышки, не видел больше никто.

– Не грусти. – Отец резко схватил Асин за нос и дунул на длинную, растрепавшуюся челку. – Хочешь, дам выбрать из мешка любую блестяшку?

– Любую?

Асин ненадолго задумалась. Она уже рылась в товарах, которые вез на Второй папа, чтобы продать в щедрые руки или отдать – в хорошие. В мешке, одна на другой, лежали безделушки: и украшения на шею и руки, и колокольчики на палках, и гладкие холодные птицы с дырявыми головами (из них то ли наливали, то ли насыпали что-то). Там, в глу-

бине, под деревянной шкатулкой с поцарапанной крышкой и большими стеклянными шарами, рядом с тетрадью в толстой кожаной обложке лежали слипшиеся деревянные рыбки с яркими плавниками – отец делал и красил их сам. А рядом с ними – собранная из часовых механизмов птаха, небольшая – легко на ладонь ложилась, – красивая и, как казалось Асин, очень грустная. Вспомнив о птице, Асин приняла решение.

Птица томилась в своей холщовой клетке, лежала на боку и молчала. А когда Асин нашла ее среди остальных, как говорил папа, блестяшек и спрятала в нагрудный карман платья, расшитый белым кружевом, та задорно щелкнула. Довольная подарком, Асин понеслась обратно к папе и, встав рядом, принялась гладить спящую птицу. Отец лишь усмехнулся. Видимо, догадывался, что Асин хотела выбрать другое. Вытянутое, с пестрой сине-серой спиной. Совсем как...
– КИТЫ!

Возглас разрезал воздух, больно ударил по ушам. Асин заметила огромную фигуру, которая плыла – нет, летела, лениво помогая себе двумя вытянутыми плавниками, – за бортом. Асин вскрикнула, схватилась одной рукой за папу, а другой – за карман, где лежала беззащитная птичка: крохе наверняка было страшно, ведь раньше она не видела ничего, кроме своего мешка. Асин не могла оторвать взгляд от плавно движущегося силуэта. Она убирала от замерзшего лица волосы, глубоко вдыхала холодный воздух, и ей чуди-

лось, будто она вот-вот упадет – плюхнется на палубу и больно ушибет попу. Кит, окутанный приятным мягким светом, плыл вверх, к облакам. А за ним показался еще один – чуть больше и медлительнее. Воздух наполнился чарующей песней, которую Асин впервые слышала так близко. И в этот момент судно тряхнуло.

– Все хорошо, птенчик.

Прозвище, которым звал ее отец, успокаивало. А вот то, что он, сжав почти до боли бледную ладошку, тянул Асин подальше, чтобы она не видела происходящее, а происходящее не видело ее, – наоборот. Она попыталась заговорить с папой – и не услышала собственный голос за множеством чужих, взрослых. Вокруг суетились люди. Асин ничего не понимала, пока кто-то не стащил потрепанную ткань с огромного железного устройства, похожего на длинную трубу на толстой ноге.

– Что это? – Асин дернула отца за рукав и уперлась пятками в дощатый пол.

Но ей никто не ответил. А затем посыпались резкие рваные слова, которые застревали у Асин в голове и били там в барабаны. «Гарпунная пушка», «стреляй» и «другой давай». «Мы перевернемся, урод», «ниже, ниже» и «в сердце бей».

Асин закричала. Она толкнула отца в бок, попыталась вырваться. Быть может, до этого дня она не знала ничего об океане, зато прекрасно понимала, что значит «стреляй».

– Асин!

Но отец не собирался ждать, когда она перестанет сопротивляться. Он подхватил ее на руки, прижал к груди и унес. Туда, где можно было закрыть ладонями уши, крепко зажмуриться, свернуться клубком и все равно слышать, как поют эти большие прекрасные создания.

Поют, даже когда им страшно.

РЫНОК

Говорили, что раньше члены одной семьи носили общее имя на всех. И эта незначительная деталь невидимой нитью связывала порой несколько десятков людей.

Теперь всё иначе, каждому – свое имя. Но Первый – весь этот огромный парящий над водой остров – годами жил как большая семья. Здесь люди знали друг друга в лицо и добродушно улыбались при встрече.

Первое имя – данное при рождении – оставалось лишь набором букв, зато второе – полученное в сознательном возрасте – несло в себе смысл. Его могло и не быть вовсе, тогда человек довольствовался одним-единственным именем. Это не делало человека пустым, никак нет, по крайней мере, о таком не говорили вслух. Второе имя Джехайи, папы, было *Каррэ* – «кочевник». А ее второе имя звучало как *Ханна* – «перо». Первое же...

– Асин!

Она подняла голову и вытащила изо рта длинный золотистый колосок, прилипший к губам. Волосы после недолгой дремы сваялись и теперь топорщились. Асин попыталась наспех примять их ладонью, но без толку. Пряди кололи кожу, а каждое прикосновение делало их скорее похожими на гнездо, свитое птахами.

– Не сплю! – отозвалась она, но слова тянулись, загусте-

вали, засахаривались. Раз за разом Асин моргала, зажмуриваясь и резко, до ярких пятен, распахивая глаза, а затем зевала, некрасиво закрывая рот кулаком.

– Сколько просить можно? – измученно выдохнул папа, прервавший работу на грядках. Он оттирал ладони старой сероватой тряпкой, но черные пятна, хоть и бледнели, отказывались исчезать полностью. Как ни ругался он, как ни пинал валявшиеся у ног комки земли, это не помогало. – Давно бы сбегала уже и спала бы дальше.

Зависшее над редким лесом солнце роняло свой холодный свет. Толстая полоса вспаханного поля казалась Асин волнами. Поднявшись со стога сена и потянувшись – для этого она раскинула руки и слегка прогнулась в спине, – Асин побежала к дому по разбитым комьям грязи, по хрустящей, некогда зеленой траве. Туфли со стоптанными пятками то и дело пытались соскочить. Асин, ойкая, останавливалась, поддевала их указательным пальцем и возвращала на место. Выменять бы у торговцев пару зеленых лент, таких, чтоб не выцветали, и приделать к обуви. Только воевать с иглой и ниткой снова придется папе.

Не сказать, что Асин совсем не умела шить, но выходило у нее скверно. Хуже получалось только готовить. Папа и не настаивал: сам варил кашу и томил в горшках мясо; сам латал в детстве доченькины платьица, а как она стала постарше – форму. Точнее, то, что она гордо звала этим словом – полосатые штаны с лентами по бокам и слишком широкую

рубаху. Папа звал этот наряд иначе – «не форма, а что попало». И она не обижалась.

– Птенчик! – возмутился он и, зажмурившись, потер ладонью лицо, а затем тряхнул рукой, будто смахивая под ноги свое недовольство. Нет, вот оно, на месте – спряталось в сдвинутых бровях и поджатых губах. – Видимо, нет у меня больше занятий, кроме как скотину с поля гнать и тебя. – Он хлопнул по лоснящемуся боку стоящую в стойле урр. Та в ответ недовольно фыркнула.

Раньше – об этом Асин читала в изъеденных временем книгах – скотина была другой. Вместо приземистых урр, с массивным телом, плоской мордой и ушами, похожими на свернутые лепешки, люди приручали лошадей и коров. Старушка Уна, мясистая, крепкая, давала жирное молоко и помогала, пусть и неторопливо, папе отвозить товары на Рынок – именно с большой буквы – Первого, попутно отгоняя назойливых мух хвостом с черной кисточкой. Асин впервые увидела Уну, когда та была еще совсем маленькой. Папа принес ее, держа под передние ноги с черными копытцами, помотал из стороны в сторону и поставил на траву. Больше всего Асин интересовало тогда, не станут ли они ее есть, ведь она – друг. А разве друзей едят? Позже Асин узнала: едят. Но папа пообещал не трогать Уну – и та вскоре стала полноценным членом семьи.

Следом за ней появились собаки, Пите и Джеко, а позже – кот. Он пришел сам, вылакал все молоко и по-хозяйски

улегся на крыльце. Папа решил не прогонять его: пускай мышцей ловит. Но кот был ленивым, жирным, на любую фразу отвечал односложным «ме» и, чуть что, отпраивлялся спать в самый теплый угол. Асин даже не заметила, когда он пропал. Может, нашел где-то миску побольше и крыльцо пошире, а может, попросту угодил в аномалию. О них, затаившихся в лесах, людей предупреждали косые деревянные таблички. Вот только коты, к сожалению, совсем не умеют читать.

– Половину хлебушка, – Асин отогнула указательный палец и призадумалась. – И добротный такой кусок сыра к нему.

Папа заботливо вытаскивал из ее волос солому, чистил бледно-зеленое, цвета кувшинок, платье от грязи и ворчал – тихонько, но беззлобно, как ворчат все родители, пытающиеся научить любимого ребенка думать головой, а не тем местом, которое обычно просиживают. Он разглаживал складки и поправлял рукава, и ткань под его ладонями задорно хлопала. А солнце ласково целовало Асин в макушку.

– И не задерживайся, – попросил папа и улыбнулся той самой длинной улыбкой, пугавшей ее в детстве. Он всячески старался не показывать волнения, но малейшие жесты – например, то, как он брал в ладони лицо Асин и подолгу рассматривал, – выдавали его.

– Я скоро. – Она смущенно опустила глаза, решив не напоминать папе, что она уже взрослая, прошла подготовку, а завтра впервые полетит к ближайшим островам, оторван-

ным от Первого, на одном из торговых судов.

Они жили без мамы, вдвоем, уже очень давно. Асин только училась быть взрослой, а папа всячески ей в этом помогал. Порой ей даже казалось, будто так правильно – когда есть только папа. К тому же в их доме ничего не напоминало о том, что когда-то здесь жил третий человек. Да и сама Асин – светловолосая и нескладная – была папиной копией. И очень этим гордилась.

О маме остались истории – множество самых разных. Слушать их – почти как читать книги: приключенческие, романтические, трагичные. Папа любил говорить о ее необычности и красоте, для него мама была самой-самой, а второе место по «самости» занимала Асин, которая в глубине души бесконечно этому радовалась. Папины друзья вечно вспоминали, как мама готовила, будто хотела попробовать все блюда парящего мира. А соседи... порой словно сочувствовали, рассказывая то о безрассудных поступках – например, как однажды, еще в детстве, мама сосредоточенно пыталась вбить в руку гвоздь, – то о том, что она постарела на жизнь после рождения Асин. Конечно, папа посмеивался и советовал не верить, ведь мама, по его мнению, была красивой – «Но не такой красивой, как ты, птен», – тут же добавлял он. Асин и сама думала: и как могла существовать эта странная женщина из рассказов соседей?

Стоило только подойти к калитке и разок скрипнуть ею, как тут же оживились собаки. Сухопарые, долгоногие,

они били себя хвостами, заливались радостным лаем и кружили рядом с Асин, явно умоляя, чтобы она взяла их с собой. Но она лишь потрепала их по холкам, почесала за ушами и жестом приказала сесть. Почти одновременно псы плюхнулись на землю и вывалили розовые языки. Асин, прижав указательный палец к губам, закрыла калитку и набросила на нее веревку.

К Рынку вела длинная извилистая дорога с редкими буграми камней и топорщившейся по краям травой. Мимо проплывали участки – огороженные низеньким частоколом или не огороженные совсем. Люди Первого не привыкли бояться и прятаться. Редко когда дома, даже красивые двухэтажные великаны с хитро прищуренными верхними окнами и резными наличниками, запирались на ключ.

Давно – тогда Асин еще не было – людям выделяли участки проверенные: чтобы никого потом не ждал подарок в виде аномалии в подвале или за ягодным кустом. Аномалий на Первом хватало: как безобидных, просто создающих иллюзии или хранящих в себе отпечатки образов, так и тех, где пропадали люди и разлетались в щепки телеги. Позже оказалось, что большая часть острова безопасна. Диким был лишь север, который со временем стал обрастать лесом и легендами. Маленькая Асин их очень любила, но, повзрослев, стала стесняться подобных разговоров и старалась побыстрее от них сбежать.

По левую руку, у низенького домишки с деревянной кры-

шей и ставнями, которыми любил скрипеть ветер, из рыхлой земли поднимали головки цветы. Совсем скоро у них набухнут бутоны, и добрая сморщенная хозяйка, схватив кривенькую тележку со слишком уж большими колесами, повезет их на Рынок, чтобы продать или обменять. Красивое там тоже ценилось. Хоть и чуть меньше, чем полезное.

В мешочке на поясе задорно позвякивали монетки. Уловив ритм, Асин запела и широко раскинула руки. Она словно хотела обнять весь мир, но он был слишком большим. В груди щекотало волнение, и Асин постоянно казалось, будто она забыла что-то важное. Она застыла, несколько раз повторила про себя время и место, дернула за невидимые рычаги, глубоко вдохнула, закрыла глаза и шагнула вперед. В голову тут же врезался жук, стукнулся об лоб и по кривой полетел к заросшему высокой травой полю по правую от Асин руку. Она потеряла ушибленное место и осмотрела подушечки пальцев.

Наконец Асин ступила на широкую каменную дорожку.

Рынок Первого с детства казался ей отдельным городом. Здесь все выглядело иначе: никаких размашистых участков, вместо них тесно жались друг к другу белые домики с синими крышами, будто одинаковые, но все-таки непохожие. В разные части Рынка вели лестницы; по самой широкой можно было попасть прямиком на причал – вот уж где продавалось все интересное. Дороги, ровные и совсем не пыльные, были выложены камнем, и по нему каблуки туфелек Асин

выстукивали свою бодрую мелодию, пока она пружинящим шагом шла мимо булочной – широкого здания с полукруглой крышей и двумя балконами.

Из окошка выглянула тучная женщина. Она помахала Асин, спросила, как поживает ее отец, и предложила заглянуть к ней и взять хлебушка – свежего, еще горячего и очень мягкого. Конечно же, Асин собиралась зайти к ней попозже, посмотреть на товар, а может, и забраться наверх, на один из балконов, где так здорово ловить ветер и оглядывать все вокруг. Асин пожелала тетушке Оре хорошего и интересного дня, уворачиваясь от спешащих прохожих и стараясь не попасть под колеса очередной телеги, медленно катившейся за невысокий каменный забор, которым был огорожен Рынок.

По широкой белой лестнице Асин спускалась медленно. Про себя она считала количество ступеней до пролета и представляла, как было бы здорово вспомнить детство и прыгнуть на него, стараясь приземлиться ровно в центр. Раньше она постоянно так делала, а папа помогал, удерживая ее за обе руки и поднимая высоко-высоко.

По обе стороны на небольших квадратных постаментах стояли чаши с цветами. Зелени здесь было не то чтобы много – почти всю ее вытеснил камень. Но кое-где, у некоторых домов, раскинулись красивые сады, а по дороге то и дело попадались кадки с деревцами. Их кроны были квадратными, треугольными, но чаще отчего-то – круглыми. Они плодоно-

силы, и дети порой забирались по прямым стволам, чтобы стащить фрукты. Мальчишки набивали ими карманы, а девочки – складывали в юбки.

Впереди уже показался причал с единственным судном, которое лениво покачивалось в воздухе и поскрипывало – видимо, от одиночества. Асин прищурилась, посмотрела на мачты со спущенными парусами, на явно написанное от руки название, тянущееся белыми буквами по борту, и прыгнула с последней ступени.

«Аашенвер». «Надежда».

На этом судне завтра и отправится в свое первое воздушное плавание Асин. С него, расправив крылья, прыгнет вниз, в ледяные объятия ветра. И наконец почувствует себя по-настоящему взрослой – после стольких лет обучения.

Она повернула голову направо и увидела огромное, глядящее на причал десятками окон белое здание с небесного цвета куполом. Именно там Асин сидела за длинным столом, ерзала и пыталась достать своими маленькими ногами до пола, в то время как от нее требовали не менее десятка раз написать одну и ту же букву и извиниться за свое поведение. И все-таки она была благодарна единственному на Первом училищу. Ведь оно открыло ей путь к мечте. И почти подарило крылья.

– Эй, Ханна! – раздалось рядом, и Асин не сразу поняла, что обращаются к ней.

Второе имя она получила недавно. Его Асин подарил ди-

ректор, когда вручал две бумажки, дающие право на небо, – об окончании обучения и о прохождении специальной подготовки. Он сказал, что она легкая, точно перо, – и это, безусловно, было хорошо. И, как перо, ведомая, летящая туда, куда подует ветер, – на что она чуть не обиделась. Второе имя никогда не дарил родной человек – ведь лишь тот, кто видит со стороны, может судить непредвзято и быть искренним. Или оскорбить – и так, что не отмоешься.

– Что стоишь с открытым ртом, булка? – Ей на голову опустилась широкая ладонь с длинными, похожими на паучьи лапы, пальцами и растрепала и без того торчащие в разные стороны волосы.

Лишь один человек считал, что слово «булка» описывает Асин куда ярче второго имени. И каждый раз, когда оно звучало упавшим в воду камнем, она хмурилась, но не слишком злилась. Вот и сейчас – только сдвинула брови и сжала губы.

– Я не стою. – Асин надулась и попыталась сжаться, стать менее заметной, только бы ее побыстрее оставили наедине с мечтами о завтрашнем дне.

Но чуда не случилось. Вместо этого ее бесцеремонно обхватили рукой за шею и резким движением прижали к груди, тощей и впалой. Асин зачем-то ощупала ее пальцами и услышала в ответ довольный смешок.

– Тебе совсем нечего делать? – спросила она и тут же почувствовала макушкой теплое дыхание.

Он был высоким, выше нее на голову, с криво обстри-

женными волосами цвета красной глины, усталыми темными глазами и бледными щеками, по которым рассыпались, как крупа из мешка, веснушки. «Его любит солнце», – иногда мечтательно говорили о нем девушки. «Хоть кто-то его любит», – думала про себя Асин. А еще у него было длинное пустое имя, которое она не встречала даже на страницах любимых древних книг.

Вальдекриз.

Оно казалось Асин настолько чуждым этому миру, что первые месяцы обучения она называла его просто «ты». И поначалу думала, что этот юноша в драных штанах и рубашке с оторванными рукавами не сильно старше нее. Хотя тогда разница даже в пять лет казалась ей пропастью, сейчас же – расселиной, которую вполне можно преодолеть. Но и это не помогло ей проявить хоть каплю уважения, которому учил папа, и обратиться к Вальдекризу, как подобало обращаться к человеку взрослому и уже крылатому. Однако сейчас, спустя десять лет, Асин больше всего удивляло одно: он ни капли не изменился. Возраст Вальдекриза не отражался ни на его лице, ни на руках. Вечный юноша, который был куда старше, чем казался.

– Да вот, тебя увидел. – Он подцепил прядь ее волос и стал задумчиво перебирать пальцами.

Они застыли в самом низу лестницы. Проходившие мимо люди огибали их, как кадки с цветами, лавки и фонарные столбы. Лишь изредка на них оборачивались, укоризненно

качали головами. Но отчего-то стало так неловко, что Асин, чувствуя, как алеют щеки, закатила глаза и стиснула зубы.

Неподалеку на ступенях сидели две девчушки. Они делали друг другу бусы из сладостей, смеялись над чем-то своим – и не было им никакого дела до того, что вокруг развернулся дорогим ковром мир взрослых. Вальдекриз обернулся в их сторону. Вытянутые серьги из зеленого камня качнулись, поймали луч солнца и ярко засияли. Асин вновь обратила на них внимание. И вновь отшвырнула подальше зудящее любопытство.

– А у тебя такого не было? – почему-то спросил он и кивнул на девочек.

На вид им было лет по двенадцать, обе смуглые, темноволосяные. Явно прилетели со Второго и будто желали походить друг на друга.

– О чем ты? – не поняла Асин.

– Подруг. – Вальдекриз шелкнул по одной из сережек.

– Были, – без колебаний соврала Асин, и уши ее мгновенно вспыхнули.

Нет, конечно, она общалась с другими детьми, пока училась читать и писать. Занималась вместе с кем-то, когда предметы стали сложнее. Но так и не смогла вырваться за пределы разговоров в длинных широких коридорах с колоннами и сводчатыми потолками. Ей больше нравилось бегать с собаками у себя на участке, смотреть, как папа собирает из купленных с рук деталей безделушки, и читать.

– Я часто видел тебя на подоконнике с книгой, – заговорил Вальдекриз после недолгой паузы. – Дочь Кочевника Ханна. Ты всегда так ловко умещалась в каменные арки, – он усмехнулся, – задрав ноги до головы. Ты правда думала, что тебя никто не видит?

– Там было удобно, – бросила Асин и принялась поправлять юбку, будто это сейчас она полулежит, свернувшись подковой, с очередной историей на животе и кульком почти не грызущихся сухарей рядом.

И все равно она звала это дружбой – когда подсаживаешься к человеку с новой, только что дочитанной книгой, делишься свежим мягким хлебом и впечатлениями, а он слушает и в ответ делится чем-то сам. Даже если спустя день разговор забудется, а человек будет точно так же болтать с другими.

– Булка-булка. – Вальдекриз опустил голову. Длинные волосы занавесили его лицо, но не смогли скрыть эту гаденькую ухмылку.

Он пошел вперед, к вытянутым каменным мосткам причалов, увлекая Асин за собой. Он приобнимал ее за плечо, сжимая пальцами белый сбористый рукав-фонарь ее нижнего платья и иногда слегка его поглаживая. Асин лишь растерянно озиралась в поисках поддержки, но не находила ее. Все выглядело слишком естественно. Он размашисто шагал, задрав подбородок, в ушах его покачивались зеленые серьги, на руке позвякивали браслеты с десятком алых, темнее

его волос, камней. В ярком свете, который заливал утренний Рынок, камни эти блестели застывшей на листве росой. Или каплями крови. Асин же шла, растерянно прижав руки к груди, и чем ближе была «Аашенвер», тем сильнее потели ее ладони и холодели колени.

– А вообще, я к тебе по делу, – сказал Вальдекриз. Видимо, вспомнил, что она все еще рядом. – Ты же понимаешь, что первое время, пока ты не научишься – а ты не научишься еще очень и очень долго, маленькая ты булка, – за тобой обязан приглядывать старший? Только позже ты сможешь выбрать себе в напарники кого угодно, когда окончательно оперишься.

– Конечно же. – Про себя она стала гадать, кто же возьмет ее под крыло в самом что ни на есть прямом смысле, и даже забыла возмутиться.

– Интересно, кого поставили тебе в пару? – Вальдекриз остановился и пропустил ее вперед. Но Асин не смогла сделать больше ни шага.

Дыхание сбилось, руки крупно задрожали. Асин обернулась, но Вальдекриз не смотрел на нее. Его привлекал океан. Бескрайний, темно-синий, переходящий у горизонта в чистое голубое небо. Он говорил голосами рыб и птиц, слепил блеском, а иногда негодуяще шумел.

Почувствовав прикосновение к своей ладони, Асин вздрогнула. Будь она чуть посмелее, отстранилась бы, убежала и до следующего дня оставалась бы в счастливом

неведении. Но вместо этого под стук сердца в висках и в горле Асин смотрела, как Вальдекриз поднимает ее правую руку и с изяществом танцора отводит в сторону наподобие крыла.

– Меня, Ханна, – усмехнулся он, склонившись к ее уху. – Меня. Сказать по правде, я вызвался сам.

– Почему? – спросила Асин и даже не поняла, как сильно взлетел ее голос.

– Может, потому что ты мне нравишься, булка. – Вальдекриз говорил мягко, но каждое слово гвоздем вбивалось в ее голову. – А может, потому что мне попросту стало скучно.

Они знали друг друга давно, с ее первого дня обучения. Когда девятилетняя Асин влетела в толпу высоченных мальчишек с тяжелыми ранцами за плечами; гордо вскинув руку, выпалила: «А можно...» и растерялась. Тогда Вальдекриз опустился рядом на одно колено, взгляделся в ее глаза и долго пытался выяснить, что же значило это «можно». Вдоволь насмеявшись, он спросил: «А как тебя зовут-то, булка?» и ущипнул Асин за щеку.

С тех пор они иногда сталкивались, совершенно случайно, в переплетающихся коридорах училища. И если Вальдекриз шел в компании тех, кто хоть как-то его терпел, он принимал Асин за плечи, шутливо называл булкой и непременно выдавал какую-нибудь глупость. А если рядом не было никого, то мог просто подмигнуть – и это почему-то мгновенно выбивало из равновесия, Асин могла даже споткнуться. Каждое появление Вальдекриза напоминало бах-

нувшую рядом с ухом хлопнушку: пугало, заставляло нервничать, а еще после него Асин долго приглаживала волосы, будто те ежиными колючками торчали в разные стороны. Радовало одно: виделись они редко.

Не было на Первом человека, о котором Асин знала бы меньше, чем о нем. Вальдекриз удивительным образом сочетал в себе умение держаться особняком и помогать при необходимости. При этом, когда Асин обращалась к нему, она чувствовала себя неправильной, будто делала что-то нехорошее. Так вышло и сейчас: он сам вызвался помочь, а ее оплел липкий страх. Она почувствовала себя абсолютно беззащитной.

– Считай, тебе повезло, Ханна...

Его голос утонул в криках чаек, в пульсации сердца. Ноги Асин подкашивались, все тело превратилось в желе – мерзкое, колышущееся на ветру. Асин смотрела в синие глаза раскинувшегося перед ней недружелюбного, но такого спокойного океана. И сильнее всего хотела оказаться подальше от него.

Два крыла на двоих

Ранним утром, когда в цветах и высокой траве еще путались пушистые клочья тумана, папа уже приготовил завтрак и стучал тарелками по деревянному столу. Скребли когтями о дверь собаки – просились на улицу побегать, покататься по росе, а может, подгоняя друг друга лаем, отправиться наперегонки в лес, чтобы вернуться счастливыми и очень грязными. Папа открыл им, и в дом проникла приятная прохлада. Легкий ветерок принес в комнату Асин запах запеченных яиц и подогретых лепешек. Он приятно защекотал ноздри, и она, еще не открывая глаз, села на кровати, потянулась и почесала лохматую голову.

Белое ночное платье с легкой пеной кружев шуршало при каждом шаге. Босые ноги шлепали по холодному полу. Асин схватила со стула белую шаль, похожую на крылья бабочки, – ее привез со Второго, острова-брата, папа – и накинула на плечи. Она не грела, но в нее так приятно было кутаться.

– Проснулась, птен? – Папа улыбнулся и поскреб деревянной лопаткой чугунную сковороду, пытаясь отодрать от поверхности яйцо и не повредить круглый желток. – Как себя чувствуешь?

Плюхнувшись за стол, Асин подняла плечи, прижала к щекам рельефную вышивку, вытянула ноги и зажмурилась.

Она услышала, как опустилась рядом кружка молока, как потянуло жаром от тарелки с завтраком, и довольно причмокнула. Она чувствовала себя готовой на все, разве что очень сонной. И лишь один факт неприятным мутным пятном маячил на горизонте ее мыслей, не давая покоя.

– Пап, – сказала она, взяла обеими руками кружку и, вместо того чтобы продолжить, забулькала молоком.

– Что такое? – Он присел рядом, передумав отнимать у сковороды свою порцию, вооружился вилкой и пырнул несчастное яйцо прямо в ярко-оранжевый глаз. – Волнуешься?

Пока он макал в растекшийся желток теплую лепешку, пока жевал, всем своим видом говоря: «Недурно», Асин ерзала на стуле и смотрела на колышущуюся молочную поверхность, по которой, стоило ударить пальцами по стенкам кружки, шла рябь. Грядущий полет казался ей совсем уж пустяковой проблемой, но почему даже во сне к ней пришел темноволосый парень без лица, с одной лишь гаденькой ухмылочкой?

– Почему иногда так сложно просто о чем-то сказать? – Она наклонилась влево, будто пыталась упасть на пол и вывалиться из этого нелепого утреннего разговора.

– Потому что ты неглупая девочка, Асин, – улыбнулся папа. – И каждый раз, собираясь о чем-то сказать, ты начинаешь думать, как воспримут твои слова. По глазам вижу. – Он ненадолго замолчал, а затем сделал выпад вилкой в ее

сторону. – Вот! Ты опять.

Не удержавшись, она заулыбалась. И все-таки для собственного спокойствия спрятала глаза за отросшей челкой. Чтобы папа не увидел в них ничего лишнего.

– Знаешь, кто будет меня сопровождать? – Асин рассеянно посмотрела на тарелку, взяла в левую руку полукруг белого сыра и, осторожно отрезав ломоть, протянула папе.

– А ты уже знаешь? – спросил он, принимая кусок двумя пальцами – указательным и средним – и укладывая на лепешку.

– Да, пап. – Она нервно сглотнула. – *Он*.

– Он? – папа нахмурился, но почти сразу понял, о ком речь.

Даже сейчас, когда Вальдекриза не было рядом, Асин казалось, будто она совершает что-то постыдное, принимая его помощь и разговаривая о нем вслух. Вроде бы он не делал ей ничего плохого и никогда не подводил. Вот только дразнил, но этим грешили все мальчишки независимо от возраста.

– Да-а уж, – задумчиво протянул папа.

При нем Асин старалась упоминать это имя как можно реже. Когда-то папа летал на одних с Вальдекризом кораблях. И вечно ворчал, что этот парень не слишком уважает старших и не следит за языком. Однако волновало его не это. «Не знаю, как сказать, – пытался объяснить папа, глядя в небо, будто оно могло знать точный ответ, – но рядом с ним неудобно. Всегда». Столкнувшись с Вальдекризом вто-

рой или третий раз, Асин поняла смысл его слов.

Папа сидел, постукивая пальцами по столу и поджимая губы, будто собирался сказать что-то неприятное. Асин прекрасно помнила: он и без того был не слишком рад, когда она выбрала небо, хоть и пытался всячески это скрыть, – может, она и отказалась от океана (но только для вида), но крылатая разведка явно казалась отцу не лучшим местом для девочек. Или не лучшим местом для Асин. Тихие вздохи выдавали его тревоги и нежелание отпускать дочь непонятно куда. Непонятно с кем.

– Это временно, птен, – наконец улыбнулся он и придвинул ближе щербатую тарелку с уже остывшими лепешками.

Посуда была расписана кривыми растениями самых разных цветов. Когда-то их нарисовала маленькая Асин. Она очень гордилась своей работой – и папа решил не убирать ее художества. Менялись тарелки, кружки, вазы, а уродливые растения, теперь уже сделанные папиной рукой, оставались. Выступающие, блестящие, они украшали кайму посуды и ютились на дне. Асин нравилось отламывать очередной кусок запеченного яйца и находить под ним цветок. Вот только сегодня это не очень радовало.

– Ты способная девочка, слышишь? – продолжил папа и перегнулся через стол, чтобы убрать волосы с ее лица. – Ты выдержишь несколько полетов с ним.

– Но нас могут оставить парой и дальше, – грустно ответила Асин.

– Ты сможешь отказаться. Когда ты полностью пройдешь обучение и покажешь себя с лучшей стороны, у тебя появится право голоса. Сможешь смело отправить его... – Он подцепил вилкой ломоть так и не тронутого сыра и поднял повыше. Тот висел на зубцах точно один из парящих островов. – В океан. И даже глубже.

На самое дно.

Асин подняла голову. И поняла, что все-таки страшно проголодалась. Желудок скручивался в тугий узел и рычал недовольной собакой. Услышав это, папа усмехнулся. Он взял со стола тарелку с лепешками и поставил на все еще теплую печь.

– Тебя проводить? – Папа поворошил угли кочергой, подбросил в черную, дышащую дымом пасть горсть сухих веток и привалился спиной к стене.

– Не надо. – Асин ответила так поспешно, что подавилась молоком и закашлялась.

Чем старше она становилась, тем сильнее желала показать всему миру, насколько она выросла. И делала это довольно глупо. Она не дурачилась, когда хотела, иногда выбирала скучную одежду, которую потом все равно не носила, не смотрела на сладкие ожерелья из орехов и ягод в сиропе, а порой и отказывалась от помощи, даже если отчаянно в ней нуждалась. Папа понимал. По крайней мере не смеялся. Но временами поддразнивал, например покупая себе какое-нибудь лакомство и демонстративно его смакуя, пока

Асин не начинала упрашивать купить ей такое же.

К тому же она боялась, что папа разволнуется. И уж тогда она точно ошибется и натворит того, что заставит его волноваться еще сильнее. Или вовсе рухнет с высоты в воду. Ведь как можно думать о небе, когда рядом не находит себе места самый близкий человек? Единственный близкий человек.

Она в очередной раз вспомнила о маме. И мысленно уколола себя невидимой булавкой за то, что почти не скучает по ней. Ведь сложно скучать по тому, кого почти не знаешь. Мама растворилась, будто ее и не было вовсе. Папины друзья – те, с которыми он летал на острова-братья за товарами, иногда беря с собой и Асин, – говорили, что искали маму. Пока не начали падать от усталости, пока не окоченели пальцы, пока кожа не сморщилась. Но не нашли даже кусочка кружева от ее платья.

Интересно, а как бы мама отреагировала на ее выбор? И на Вальдекриза? Но из осколков памяти и коротких папиных рассказов Асин не удавалось собрать ее. Понять – тем более.

– Я сама, пап. Сама, – тихо сказала она и поспешила перевести тему: – Представляешь, я полечу на «Аашенвер». Правда здорово?

– О-о-о, – он хохотнул. – Считается, что имя говорит за корабль. Но не в случае «Аашенвер». Эта старушка кричит так, будто готовится помереть каждый раз. Мы с ребятами

тами посмеиваемся, что ее прозвали «Надеждой», потому что люди каждый раз искренне надеются хотя бы долететь до нужного места.

Однако судя по тому, что папа не бросился отговаривать ее от полета, все было не так плохо. Асин улыбнулась, с трудом проглотив кусок яйца, и натянула шаль на голову.

– Испугалась, птенчик? – улыбнулся папа. – Ты – моя дочь. А уж меня старушка «Аашенвер» не раз доставляла в целости.

– Ты постоянно говоришь о кораблях так, будто они живые.

– Так и есть, Асин. Так и есть.

На стол вновь с грохотом опустилась тарелка, подпрыгнули треугольные кусочки лепешки, а вместе с ними подскочила и Асин. Она думала про тяжелые паруса «Аашенвер», про те самые палки и веревки, названия которых сейчас из-за волнения не могла вспомнить. А за окном разливался свет. Он соскальзывал с макушек деревьев, удлинял тени и разгонял туман. Времени оставалось все меньше.

И, несмотря на то что дома было тепло, Асин почувствовала, как внутри расползается ледяная корка тревоги.

«Аашенвер» покачивалась в воздухе, постепенно оседая под весом груза и недовольно кряхтя.

Под тяжестью птицекрылого летательного аппарата, который в обиходе звали просто «ранец», Асин чуть было не за-

валилась набок. Ее успел подхватить Вальдекриз. Кажется, он выругался сквозь зубы и сказал, что этот полет может стать для нее последним.

Он затянул ремни вокруг ее талии, рук и бедер, а потом смеялся в спину, когда она, переваливаясь, поднималась по шаткому трапу. Асин вспомнился инструктор по безопасности из училища – с трудом говорящий, порой грубый, но удивительно заботливый мужчина, который тренировал ее правильно снимать и надевать ранец, стоять с ним, сидеть, приземляться на согнутые ноги – и даже хвалил за успехи. Сейчас он бы наверняка потешался над ее неуклюжестью так же, как Вальдекриз. А может, привычно положил бы ладонь на макушку и потрепал бы по волосам, утешая без слов.

Наконец они поднялись в небо, оставив позади Первый и его немногочисленных обитателей, в столь ранний час пришедших на площадь у причала, которую, как и другие места в белокаменном городе внутри города, называли рыночной.

«Аашенвер» была большой, но не настолько, как казалось снаружи. По корпусу тянулась длинная белая полоса, чуть ниже имени самого судна. Старушка шла ровно, пронзая горделиво поднятым носом прозрачный воздух, а белые паруса, полные ветра, иногда сливались с появившимися в небе взбитыми облаками.

От неудобной обуви ужасно болели ноги, холодный ветер упорно бил в левую щеку и забирался под рубашку. Вокруг сновали люди, которые то и дело смотрели на «бедную

девочку», сторбленную и напуганную, и жалели вслух. Возможно, они думали, что говорят достаточно тихо. Но каждое их слово вворачивалось в уши Асин, проникало все глубже. Она даже обернулась, желая высказаться или хотя бы бросить укоризненный взгляд, но длинные пальцы с острыми ногтями тут же взяли ее за подбородок и развернули обратно, заставив смотреть туда, где пролетали мимо борта крошечные, покрытые невероятно длинной травой островки. С них, словно подвешенных в воздухе, время от времени осыпалась земля – и так они постепенно исчезали в ненасытном океане.

– Если бы я их слушал, давно бросил бы летать. – Вальдекриз схватился за гладкие деревянные кольца, лежавшие у него на груди, и слегка потянул. – Ханна, – его голос звучал непривычно мягко, а лицо не уродовала неприятная, будто вырезанная улыбка, – первый полет – это кошмар. Всегда. Если кто-то скажет тебе обратное, поверь, он врет.

Впервые за все время знакомства Асин мысленно поблагодарила его. За то, что говорит с ней, подбадривает, а не просто стоит рядом, ожидая, когда же в очередной раз облажается маленькая булка.

– А каким был твой первый полет? – решила поинтересоваться она.

И получила ожидаемый ответ:

– Идеальным. – После чего ее легонько толкнули плечом, но тут же придержали за один из ремней на талии, чтобы

не упала. – Меня вышвырнули за борт. – Он указал двумя пальцами вперед и игриво дернул бровями.

Неважно, правдой это было или нет, но Асин улыбнулась. Она глубоко вдохнула солоноватый воздух, прикрыла глаза и постаралась вспомнить все, что могло понадобиться. Люди продолжали болтаться и болтать, «Аашенвер» – беспокойно покачиваться и скрипеть свою печальную песню. Но Асин слышала лишь крики птиц, таких же крылатых, как она. И перекаты волн, взбивающих воду в пушистую белую пену.

А затем Асин увидела его. У него, как и у всех подобных одиночек, не было имени, но про себя Асин прозвала его Тот-Самый-Остров.

Около пятидесяти метров в поперечнике, он напоминал зависшую в воздухе медузу – из-за длинных свисающих корней, которые покачивал ветер. Они стремились к воде, но не преодолели даже половину пути – так низко лежал океан. Почти всю поверхность острова покрывала густая ярко-зеленая трава, в которой проглядывали дикие полевые цветы, а кое-где росли, шумя мелкой листвой, деревья. Одно из них плодоносило чем-то зеленым. Но, как ни шурилась Асин, рассмотреть не получалось.

Маленькие выступы на боках острова, которые были похожи на ступеньки и находились в тени, облюбовал мох. Он был не таким ярким, зато пытался окутать собой все вокруг. Заползал на землистые стенки, свисал с выступов, то-

поршился, отчего напоминал недовольного зверька.

– У нас не будет времени на подготовку, – сказал Вальдекриз, склонившись ближе к ее уху. – Так что ставь ногу и слушай мою команду.

Упершись тяжелым ботинком в фальшборт, Асин подумала, что если сделает рывок, то наверняка свалится. А вот на палубу или в океан – это уже другой вопрос. Поэтому она предпочла смотреть на Вальдекриза, в его сузившиеся внимательные глаза, которые сейчас казались черными, и совсем немного – на Тот-Самый-Остров. Он перестал шелестеть зеленью и покачивать ветвями, будто застыл в ожидании гостей. Сердце Асин болезненно сжалось, и она схватилась пальцами за рубашку, смяла ткань и слегка оттянула ее. Но дышать легче не стало, а грудь сдавило – от внезапно опустившейся, словно стеклянный купол, тишины, в которой громом гремел голос Вальдекриза:

– Три. – Он наклонился вперед, согнул ногу в колене, приготовившись оттолкнуться и прыгнуть.

Асин обернулась, надеясь встретить поддержку в чужих глазах, но ее тут же грубо схватили за воротник и встряхнули. Еще немного – и они окажутся над Тем-Самым-Островом и «Аашенвер» накроет часть его своей длинной тенью.

– Два. – Вальдекриз забарабанил пальцами по деревянным кольцам.

Звуки вернулись. Ожил Тот-Самый-Остров, заговорили матросы, стараясь перекричать друг друга. Асин растеря-

лась, завертела головой. И в этот самый момент прозвучало пугающее:

– Один.

Асин подалась вперед. Широкая ладонь легла между ее лопаток, подтолкнула – и она поняла, что падает. Падает. Не летит.

Она не чувствовала ветер, который могла оседлать, не парила белоснежным пером. Руки быстро зашарили на груди в поисках колец. Наконец Асин крепко схватилась за них, сжала дрожащими оледеневшими пальцами и рванула. Послышался хлопок – и ее отнесло назад и вбок. Лишь одно крыло распахнулось на всю длину, затрещал деревянный остов. Тканевая обтяжка сопротивлялась встречным потокам воздуха, но вскоре не выдержала. Асин схватилась за рычаги управления, опустила их. Крыло повернулось, но ветер стал трепать его только сильнее. Страху внутри было тесно. Он пытался вырваться за пределы дрожащего тела Асин, выгнуть спину, взреветь, надрывая горло. Рычаги под ладонями нервно дергались, били по пальцам. Как ни пыталась, она не могла их удержать.

Когда Асин молча, без единой слезинки наконец приняла свою участь, ее ладонь схватила чужая – ледяная, знакомая. Оказавшийся рядом Вальдекриз потянул свободной рукой за ручку сбоку и наполовину сложил рваное крыло, а затем потащил Асин на себя.

– Хватайся! – прорычал он, положив ладонь ей на пояс-

ницу. – Всем, чем только можешь.

И Асин схватилаась. Прижалась крепко, обняла под крыльями и вжала голову в плечи. Она понимала: ранец Вальдекриза не выдержит двоих. Он уже заскрипел каркасом, угрожая обратиться в тряпье и щепки, безвольно свисающие и волочащиеся по земле. Если только они долетят. Если только... .

Но недружелюбная земля оказалась близко – куда ближе, чем думала Асин. Затрещали ветви крепких деревьев, их широкие зеленые шапки зашипели листвой. Скрученные корни выныривали прямо под ногами. Об один такой и споткнулся Вальдекриз, поначалу мягко спустившийся с небес. Асин вздрогнула, разжала руки и рухнула лопатками в сочную влажную траву. Гладкие деревянные балки хрустели, ломались, точно самые настоящие кости, врезались ошетиленными огрызками в спину, ткань расползалась, больше ни на что не годная. Асин крепко зажмурилась. А спустя мгновение ее накрыл собой Вальдекриз. Он успел разве что выставить вперед ладони, чтобы не придавить ее своим весом.

Он лежал сверху, тяжело дыша. Волосы его шторами загораживали лицо, оставляя лишь звериный оскал. Распахнутые крылья краями вонзились в землю. Они, еще недавно казавшиеся живыми, теперь были неподвижными, зато, в отличие от ранца Асин, целыми.

Оторвав руку от земли, Вальдекриз снял летные очки, поднял их на лоб и внимательно посмотрел на Асин. О сво-

их очках она благополучно забыла – они болтались на шее и иногда позвякивали, ударяясь о круглые выпуклые пуговицы.

Растения с усеянной мелкими шипами листвой царапали голые замерзшие руки, дыхание Вальдекриза опаляло и без того покрасневшиеся щеки, а от тяжелой конструкции за спиной болела поясница. Но Асин могла думать лишь об одном; эта мысль кружила вихрем, билась в голове, и этот стук отдавался в сердце.

Жива.

Она жива. Совершенно детская радость, поднимавшаяся из самого нутра, заставляла рот улыбаться, а глаза – наполняться слезами. Рука сама собой потянулась к шее Вальдекриза, чтобы осторожно обхватить ее.

– Ты был прав. Это кошмар, – засмеялась Асин и потеряла другой ладонью лицо. – Я... я даже не знаю, как правильно... ам... – замялась она, и глаза ее беспорядочно забегали. – Спасибо тебе. Спасибо, Вальдекриз. Если бы не ты...

– Это ты кошмар, булка, – улыбнулся он, оборвав ее на полуслове, и принялся отстегивать ремни. – И что же тебя в небо-то потянуло?

Вдалеке слышались крики. Если всмотреться в небо с завихрениями похожих на взбитые яичные белки облаков, можно было увидеть команду «Аашенвер». Несколько человек, свесившись с борта и сложив руки рупором, орали что-то. Быть может, пытались узнать, живы ли непутевые маль-

цы и нужна ли помощь. Вот только помочь они не смогли бы. Нескоро бриг полетит обратно – и лишь тогда на остров упадет, барабаня перекладинами, веревочная лестница. Но Асин все равно помахала в ответ, хоть и понимала, что ее вряд ли заметили.

Трава примялась под тяжелым ранцем Вальдекриза, под его обувью – когда он поднялся и принялся отряхивать штаны. Он не обращал внимания на распластавшуюся рядом Асин, а она смотрела сквозь мелкую листву на клочки неба, яркого, режущего глаза своей белизной. Щурилась и ловила ресницами блики, пока волосы ее трепал налетевший ветер, который принес с собой запах океана и первых цветов.

Наконец ей подали руку и, придерживав за талию, помогли встать. Ранец отстегнули – и теперь он лежал на земле мертвой птицей с переломанным крылом. Вальдекриз сочувственно посмотрел на него, затем на свой и покачал головой. Поборов желание вновь кинуться ему на шею и засыпать словами благодарности, Асин бросила под ноги, рядом с ранцем, второе тихое «спасибо», которое потонуло в окружающем шелесте.

Длинные пальцы заботливо складывали крылья, переворачивали ранец, пытаясь сделать все осторожно. Жесткие ремни звенели пряжками, шумели, то и дело задевая растения, сбивая маленькие белые головки цветов и круглые колючие шарики. Вальдекриз опустился на колени, шелкнул одной из застежек и принялся открывать отсеки, в которых

пряталось самое интересное – то, в чем разбирался папа и совсем не разбиралась Асин. Механическое сердце, приводившее крылья в движение.

– Ты что делаешь? – поинтересовалась она, присаживаясь рядом и заглядывая внутрь через левую руку Вальдекриза.

– Если окажется, что механизм был исправен, просто ты не сумела с ним совладать, тебя еще нескоро допустят до полетов. От этого спуска зависит все. Он – твой экзамен. И ты только что его провалила.

Он потянулся к небольшой сумке-коробу на поясе и извлек оттуда плоскую отвертку, которую какое-то время вертел в пальцах, разглядывая бездыханные механические внутренности ранца. Асин хотела бы коснуться их, оживить, но ее руки не способны были управиться с чем-то настолько тонким.

– А если ранец был неисправен изначально, – Вальдекриз закусил жало отвертки, – тогда проблема не в тебе. Понимаешь? Значит, виноват тот, кто сдал дефектное чудище на склад.

Асин поспешно кивнула, про себя пожалев совсем невиноватого беднягу.

– Когда полетаешь с мое, научишься двум самым необходимым вещам: чинить и портить. И головой думать. А то, вижу, ты себя поедает. Да не будет никто искать виноватого. Нас всех соберут, расскажут, откуда у нас руки растут и головы – вот тебе и наказание.

– И часто ты чинишь что-то? – Она подтянула колени к груди и устроила на них подбородок. Легче стало, но не до конца.

Вальдекриз лишь пожал плечами.

– А портишь? – она понизила голос почти до шепота. Будто был на этом небольшом островке тот, кто мог подслушать их разговор. И он бы явно счел ее вопросы глупыми.

– Почаще. Не ранцы, – засмеялся Вальдекриз. – А то подумаешь еще. В новом мире слишком много механизмов, которые только и хотят, чтобы их сломали.

Он убрал прядь волос за ухо. Длинная зеленая серьга, поймавшая отблеск солнца, закачалась.

– Готово. – Он потуже затянул один из болтов и попробовал потянуть кольцо. Деревянный остов дернулся, но не сдвинулся с места.

Поначалу она даже не поняла, о чем он. Лишь когда Вальдекриз кивнул на крылья и убрал отвертку к другим инструментам, Асин протянула многозначительное «а-а-а» и схватилась за кольцо. Крыло не шевелилось, лишь на ветру трепыхалась рваная ткань, то надуваясь шаром, то складываясь волнами.

– И мне поверят? – неуверенно спросила Асин. – Ну, в то, что ранец был неисправен? Их же наверняка проверяют перед отправкой.

– Тебе сложно не поверить. У тебя глаза честные, булка. – Вальдекриз упер локти в колени и принялся оглядывать ост-

ров. – А недосмотреть все могут. Только если ошибется человек проверенный, то это называют случайностью, а если новичок, значит, он попросту безрукий и у него сено вместо мозгов. Или чего похуже. Удобная система, не находишь? А знаешь, сколько человек из-за таких случайностей падало в океан?

От одной мысли об этом у Асин перехватило дыхание. Слишком живо она представила, как уходит под воду – и та смыкается гладкой блестящей синевой над ней, утаскивает все глубже. И крохотные пузырьки воздуха тянутся вверх, чтобы выбраться наружу и беззвучно лопнуть.

– Помнишь, ты спрашивал, почему меня потянуло в небо? – тихо начала она.

– Это был не... – Но Вальдекриз не договорил. Отмахнулся – все равно они застряли тут, – а после сделал приглашающий жест, чтобы продолжала.

Асин поднялась, отвернулась от него – так, чтобы ветер трепал ее волосы и, швыряя их в лицо, хлестал по щекам. С дерева рядом – широкого, с изогнутым стволом, на котором, наверное, удобно сидеть, – посыпались листья. Они медленно кружились, устремляясь к земле, а некоторые, взметнувшись, летели к краю Того-Самого-Острова. Асин поймала один, сжала в ладони – и он беспомощно смялся. Она покачнулась – слова почему-то отказывались ровно строиться в предложения даже в ее голове – и беспокорно заходила взад-вперед, шурша травой.

– Я почти с самого детства его боялась. – Асин обхватила себя руками, сунула ладони под мышки и опустила плечи, уже жалея, что завела этот разговор. – Океана. Вернее, сперва не боялась. Но только потому, что была совсем уж маленькой...

– И поэтому решила податься в небо? – Вальдекриз поднял указательный палец и медленно сделал им полный оборот. – Тебе не говорили, что ты, как бы помягче, странная? Никогда не слышала историю о том, как океаном стало небо, а волнами его – облака? – Он смотрел на Асин снизу вверх, щурясь от яркого солнца. Одной рукой он взялся за летные очки – то ли чтобы снять их, то ли чтобы опустить на глаза. – Ты просто поменяла один океан на другой.

Он рывком встал, стянул очки и кинул рядом с ранцем, а сам, отряхивая друг о друга сухие ладони, направился к краю Того-Самого-Острова, следом за недавно улетевшей листвою. Асин нахохлилась и нехотя поспешила за ним. Она понимала, что не сможет возмутиться – что-то внутри, напоминавшее стыд, не давало ей открыть рот, – но хотя бы постоит рядом и очень недовольно посмотрит Вальдекризу в спину.

У заросшей травой кромки он опустился, сел на неровный край и свесил ноги в пустоту. Асин встала позади, но тут же отступила на шаг. В голове заметалась сотня предупреждающих «а вдруг». А вдруг земля под ними обвалится, а вдруг ветер толкнет ее в спину. Но Вальдекриза ничего из этого,

кажется, не беспокоило. Он поднял круглый серый камень, погладил пальцем его ровный бок и, размахнувшись, отправил в полет.

– Знаешь, что интересно? Чем сильнее люди бегут от чего-то, тем ближе оно становится. Ты бежишь от океана. – Он кивком предложил сесть рядом, но Асин вежливо и немного пугливо отказалась. – Но вот он, прямо перед тобой. Забавно, но чаще всего он забирает крылатых. Так почему тебя потянуло в небо? А, Ханна?

Медленно обернувшись, он пронзил ее взглядом. Так обычно пронзают булавками разноцветных бабочек и крупных жирных жуков. Никем из них Асин становиться не хотела, даже на пару секунд.

– Наверное, ты прав, – после долгого молчания выдохнула она. – И я просто выбрала другой океан.

А впереди простиралась бесконечная синева. Где-то вдалеке виднелся родной Первый, его Рынок с маленькими белыми домиками, напоминавшими с такого расстояния спичечные коробки с синими крышками.

– Я в детстве не понимала, что такое океан. Я знала, что такое вода. А вот океан... это какой-то сказочный зверь. – Асин улыбнулась. – Большой, живой и дышащий.

– Дай угадаю: как киты?

– Да. – Ее голос полностью утратил цвет, стал совсем серым. – Как киты.

Они больше не пели. Будто, единожды встретившись с ма-

ленькой испуганной Асин, решили навсегда исчезнуть из ее жизни. Она не видела их широких, похожих на острова спин, плавников, которыми они надрезали воздух, и выглядывающих из воды хвостов. Иногда она думала даже, что все это ей привиделось. А потом на Рынке или в стенах училища слышала разговоры. И понимала: они по-прежнему поют, только не для нее.

– У меня была мама... – сказала Асин.

Поставив одну ногу на землю, Вальдекриз повернулся боком. По ехидному взгляду и плотно сжатым губам Асин поняла, каких трудов стоило ему удержаться от очередного неуместного замечания. Она выдохнула и разжала пальцы, удерживавшие смятый лист. Подхваченный ветром, он, вместо того чтобы полететь, покатился, пока не застрял в траве у самого обрыва.

– Продолжай, – попросил Вальдекриз. Она ждала извинений, хоть каких-то, но он лишь поднял брови и склонил голову.

Отступить было бы глупо. Впрочем, как и обидеться, мысленно разделить Тот-Самый-Остров надвое – желательно очертить свою половину – и уйти куда подальше. У них слишком много времени. И слишком мало места. Асин нервно улыбнулась и легким пинком столкнула мятый лист вниз.

– Она очень любила океан. Мне кажется, все дело в ней. Она будто, – Асин махнула рукой, пытаясь точнее донести свою мысль, – посадила в меня крохотное шумящее семеч-

ко, которое раскрылось, выпустив бушевавшие внутри волны. Океан был моей болезнью, пока папа не объяснил, что он опасен.

– Рассказал, как океан забирал рыбаков? – уточнил Вальдекриз. Видимо, кто-то из родных точно так же пугал его в детстве людьми, которые не вернулись.

– Рассказал, как океан забрал маму. – Асин почти не услышала свой голос.

Повисло молчание. Улыбка Вальдекриза стерлась, но взгляда он не отвел, так и смотрел прямо в глаза Асин, иногда щурясь и прикладывая ладонь козырьком ко лбу – когда сквозь листву пробивались слепящие лучи. Асин так ничего и не объяснила. Даже сама она не понимала, почему вдруг выбрала небо, хоть папа был против и этого ее решения.

– А какой она была? – вдруг спросил Вальдекриз, похлопав по месту рядом с собой.

И пусть Асин все еще было страшно, она присела и свесила с острова ноги. Она старалась не думать о том, что качается и пенится далеко внизу. А чтобы ненароком не глянуть на неровную поверхность океана, она легла на спину и закинула руки за голову.

Конечно, она не станет говорить о том, что мама рассказывала удивительные истории. Иногда казалось, будто она побывала в каждой – не участником, так зрителем. Там были затонувшие корабли и застрявшее время, морские обитатели

в три – а то и больше – человеческих роста и несуществующие города, появляющиеся лишь на миг.

Не упомянет, какие вкусные блюда мама готовила из самых простых продуктов. Даже если очень уставала. Она всегда улыбалась, стоя у стола и нарезая овощи аккуратными кругляками, чтобы потом кинуть их на шипящую сковороду. И ей помогали – любимый муж и маленькая дочка, которая скорее спешила все попробовать.

Не поделится моментами, когда мама ходила с ней, еще маленькой, на Рынок – не только чтобы купить продукты, но и чтобы очень долго смотреть на спокойную, а порой и очень злую воду. Пока Асин не закапризничает.

Потому что она не помнила ничего из этого. Ее мама собиралась из историй папы, которые звучали слишком уж идеально, и в них сложно было поверить, но она все равно слушала. У самой же Асин осталась лишь мама-внешность, мама-оболочка. И ощущение океана глубоко внутри.

– Она была... не такой, как я, – улыбнулась Асин. – Знаешь, тебе бы она, наверное, понравилась. Мне так кажется, – не слишком уверенно добавила она, вытянув руки над головой. На ладони тут же лег мягкий свет разгоревшегося утра.

По правую сторону захрустела зелень – Вальдекриз придвинулся ближе. Поерзал, повел плечами, пытаясь устроиться поудобнее, и повернул голову. Солнце укутало его собой, запуталось в волосах, превратив топорщащиеся пряди то ли в золото, то ли в огонь.

Асин говорила – о матери и не о ней, порой запинаясь на полуслове и заглядывая Вальдекризу в глаза, чтобы понять, не сболтнула ли она лишнего. А он кивал, молча, будто и правда слушал.

И не было вокруг больше никого. Только Тот-Самый-Остров. И живущая в океане мама.

Чижик

За первым полетом последовал второй, а за ним – третий. Асин, которую после неудачного спуска почти не отчитывали, разве что просили быть внимательнее, постепенно привыкала к тяжести ранца. Крылья не срастались с ее телом, были все такими же чужими, просто она потихоньку училась ими управлять – наконец не стоя на земле.

Чужим оставался и Вальдекриз – с ним Асин, можно сказать, поладила, но вне полетов надеялась не встречаться. Она ходила в церковь – но никогда не заставляла его там. Она покупала хлеб – и никто не свистел ей, сунув в рот пальцы. Она гуляла одна – и наслаждалась этим одиночеством. Пока не начинались летные тренировки, Вальдекриза словно не существовало вовсе. Однажды, крепко уверившись в этом, Асин даже поделилась мыслями с папой, но тот лишь потрепал ее по волосам и сказал, что она, похоже, совсем утомилась. Она, конечно же, надулась, но согласилась: все-таки люди – не аномалии, они не возникают из воздуха и не растворяются в нем.

Папа все так же вздыхал, покачивая головой, когда она собиралась улетать. Асин чувствовала себя чуточку виноватой в такие моменты: ведь раньше они всегда были вместе. А теперь она улетала, почти большая, почти взрослая, и возвращалась обновленной.

Каждый новый день, пока длились учебные полеты, Асин помнила: вскоре у нее появится то самое право голоса, о котором говорил папа. И вот теперь грамота о том, что Ханна Асин больше не безликакая ученица, гордо стояла дома, а на новой жилетке красовалась простенькая, но важная нашивка – птица на фоне штурвала. Только ощущения свободы не было. Да и старшие, в одежде, на которой пестрели значки, не слишком спешили принять Асин в свою команду. Ей говорили «позже», говорили «не сейчас», и она терпеливо ждала. Гуляла по Первому, – не заходя, конечно же, в северную часть, заросшую густыми лесами и кишашую аномалиями, – помогала папе по хозяйству или мечтала о небе, раз за разом перечитывая документ, уже дымящийся от прожигающего взгляда.

Время текло, густое, как мед, и липкое, как ягодный сок. На полях уже всюду разрасталась пшеница, показались над грядками хвостики моркови и свеклы. В небольшой теплице, напоминавшей огромную белую гусеницу и по праву считавшейся папиной гордостью, закручивали усы и расправляли листья огурцы, собирался зелеными рюшами салат. По хозяйству Асин помогала, но все равно с непреодолимой тоской поглядывала в небо. Раз за разом бегала к причалам смотреть на корабли. И на товары, которые завезли лоточники.

Она ничего не покупала – своих денег не было, а брать у папы не позволяла совесть, – зато могла любоваться. Боль-

ше всего на свете Асин мечтала о серьгах, похожих на мутные витражи. Круглые, тяжелые, они ловили в себя солнце и дразняще переливались. Рядом лежали браслеты и кольца. Все вещицы были слегка потертые, а порой и мятые – их ведь поднимали со дна и приносили с пустых островов, еще хранивших следы старого мира. А порой – и с островов заброшенных, оставленных людьми, которые больше не могли получить ничего и покидали быстро сколоченные дома, чтобы отправиться обживать новые, богатые ресурсами земли. Но вещицы брали за большие деньги или меняли на что-то по-настоящему ценное. К сожалению, из ценного у Асин была только она сама.

Иногда к папе приезжали гости, большие люди со Второго, и привозили свой товар или странные угощения: вязкие сладости в белесой пудре, слоеные медовые рулеты с толчеными орехами. Асин приходилось сидеть ровно, как в učилище, и изо всех сил держаться, чтобы не потянуться за ними через весь стол. Лишь когда папины знакомые уходили, она набивала рот гостинцами и медленно сползала со стула. Ожидание стоило того.

Большие люди – некоторых Асин помнила по именам, – конечно же, удивлялись, как она выросла. Называли папиной гордостью, хотя ею считалась теплица, и пророчили каждый свое. Чаще всего говорили о загадочном красивом мужчине, который ей обязательно встретится. Никто не называл его имени, возраста или хотя бы места, откуда он должен по-

явиться. Поэтому такие речи Асин слушала вполуха.

По какой-то странной причине гости не говорили о небе, не сплетали судьбу Асин с ним. Будто она перерастет его со временем, как туфельки или платье, которое носила в пять лет. Асин удивлялась, ведь небо было огромным и к нему тянулись многие. Оно объединяло и, даже серое, неспокойное, грозное, почти не пугало. Но Асин не возражала, разве что немножечко обижалась, и продолжала, качая головой, как полевой цветок на ветру, принимать странные пожелания и поглядывать на угощение.

Асин теперь немного больше походила на мать – так считал папа. Не внешне, нет, но постоянным желанием видеть бесконечную синеву, дышать ею. Папа тревожился, подолгу держал ее руки в своих и растерянно смотрел на ее тонкие пальцы. Он не говорил ничего, но Асин понимала и так, поэтому старалась возвращаться из полетов быстрее и рассказывать о чем-то постороннем – например, о подвесках-солнцах или о мальчишках, гонящихся друг за другом у церкви. Папа улыбался и благодарил глазами, а потом обещал, что скоро, в один из праздников, обязательно подарит ей какое-нибудь украшение. Возможно, даже привезет со Второго.

А пока Асин повсюду таскала с собой птичку, ту самую, подаренную папой в далеком детстве. Она давно сломалась – трещала, когда ее пытались завести, и недовольно дергала лапками. Поэтому ключ от нее, толстый и по-

лый, Асин оставляла дома, на прикроватной тумбочке. Зато игрушка с изящными металлическими перьями звенела внутренностями в кармане юбки и напоминала о себе, ударяясь круглым боком о бедро. Иногда Асин с ней даже разговаривала, но тихо, чтобы никто не услышал. Папа предлагал заменить лопнувшие шестерни, но пока лишних деталей не было – все уходило в работу. Так и гуляли они вдвоем – Асин и сломанная птица. Пока однажды на пороге их дома не появился Вальдекриз.

Обычно он вылавливал Асин вне дома – а тут вдруг скрипнул калиткой, прошел по выложенной камнем дорожке и несколько раз ударил кулаком в дверь. Тут же взвились собаки – принялись драть глотки, припадать к деревянному полу, скалить клыки. Асин погладила своих защитников и скинула им пару хлебных корок со стола. Псы тут же потеряли интерес к гостю, вывалили розовые языки и, подняв свернувшиеся в колечки хвосты, потрусили к внезапно свалившемуся – в самом прямом смысле – угощению.

– Здравствуй, – пробормотала Асин, распахнув дверь и спрятав руки под передник: она как раз пыталась замесить тесто для лепешек. Мука слетела с бледных ладоней и закружилась в воздухе вместе с пылинками.

– Готовишь, булка? – Даже не поздоровавшись, Вальдекриз перегнулся через порог и осмотрел широкую, залитую солнцем веранду.

Добродушно трещала огнем печка – Асин то и дело ме-

шала кочергой дрова, подкидывала в оранжевое пламя поленца. На подоконниках стояли, забравшись друг на друга, сковороды и котелки, потемневшие и покрывшиеся разводами от времени. А на столе, рядом с глазированной миской для теста и солонкой в виде небольшого деревянного бочонка, сушились хлебные корки – их время от времени сбрасывали на пол собаки, чтобы погонять из угла в угол, а затем и сгрызть.

– Каррэ дома? – спросил Вальдекриз, все еще топтавшийся на приступке.

– А ты к нему? – удивилась Асин. Она сделала приглашающий жест, даже поклонилась, следуя правилам приличия, и отошла в сторону.

– К тебе вообще-то, – улыбнулся он и шагнул вперед. – Просто сомневаюсь, что он будет рад меня видеть. У меня с ним не ладится.

«Интересно, а с кем у тебя вообще ладится?» – про себя вздохнула Асин и только хотела закрыть за Вальдекризом дверь, как мимо, чуть не сбив ее с ног, промелькнули две молнии, подгоняя друг друга лаем. Усмехнувшись, Асин подперла дверь чурбаком – чтобы не закрывалась – и, шурша длинной юбкой, направилась к столу.

– Он ушел по делам. Вернется нескоро. – Она выдвинула ногой стул и кивнула на него. – Чего ты хотел?

Прозвучало не слишком гостеприимно: будто Асин мечтала как можно скорее избавиться от Вальдекриза. От этой

неловкости кровь тут же прилила к ее щекам, загорелись уши.

– Что собираешься готовить? – Он не присел – просто наклонился, уперся локтями в столешницу и положил подбородок на кулаки.

Волосы его были заплетены в косу, но все равно рассыпались, лезли в лицо.

– Лепешки-кармашки, – смущенно ответила Асин. – Вообще, я...

– Давай помогу. А ты займешься чем поинтереснее. – На его губах заиграла лукавая улыбка, за которой не пряталось обычно ничего хорошего. Она напоминала коробочку с пружиной внутри: нажимаешь на кнопку, крышка открывается – и на свет появляется непривлекательная истрепанная кукла с пустыми глазами.

В чужом доме Вальдекриз вел себя по-хозяйски. Он живо нашел сито, сидевшее в одной из тарелок, подбросил его в воздух и ловко, тряхнув головой, чтобы смахнуть со лба длинную челку, поймал за ручку. Большой ложкой он насыпал туда муки – как говорят, «на глаз» – и принялся просеивать в миску. Да так проворно! Асин невольно засмотрелась, закусив губу, пока не поняла: она так и не сказала ему рецепт. Руки зашарили по карманам в поисках сложенной вчетверо бумажки.

– Не волнуйся, Ханна. – Вальдекриз словно понял причину ее беспокойства. – Я живу один. И неплохо готов-

лю. Так что ничего не испорчу. – Он осмотрелся и заметил на печи кособокую железную кружку с черной каймой. – Во-да там?

Асин закивала – часто-часто. Лишь спустя мгновение поняла, что у нее спросили, и выдала неловкое «да». Удивленный Вальдекриз, уже снявший кружку с печи, тихо засмеялся и покачал головой.

– Ты лучше вон, – он указал на свой широкий матерчатый пояс, за которым виднелся сверток бумаги, перетянутый синей лентой, – почитай. Закончились твои тренировочные полеты, Ханна, пора браться за дела посерьезнее. Ты же понимаешь, как тут все устроено? – Дождавшись очередного глупого кивка, он продолжил: – Тебе не дадут работу, пока у тебя нет опыта. Но у тебя не появится опыта, пока ты не получишь работу.

Пока он говорил, Асин осторожно протянула руку. Накрыв другой ладонью глаза, она резко выдернула сверток у Вальдекриза из-за пояса и отпрянула. Бумага была теплой и пахла скошенной травой – и от этого Асин оробела еще сильнее.

– Но решение есть: выбираешь задание, за которое никто не желает браться, раз-раз – и ты победитель! – Вальдекриз бросил в воду щепотку соли.

А вот и она – та самая кукла из коробки. Выпрыгнула, когда Асин потянула за хвостик ленты. Она остановилась, так и не развязав красивый синий бант до конца. Сама бумага

была желтоватой, а на краях темнели следы туши.

– Открывай, – засмеялся Вальдекриз, увидев замешательство Асин. – Ты должна подписать это, а не просто подержать в руках. Теперь лишь от тебя, Ханна, зависит: мечтать о небе и далеких островах – или все-таки идти к этой мечте.

– Почему... – начала она, теребя ленту двумя пальцами.

Пока Асин собиралась с мыслями, пока краснела и терялась, понимая, что ее вопрос никак не относится ни к пугающему свертку, ни вообще к теме их беседы, Вальдекриз осматривал шкафы. Для мира, в котором всё на счету, в этом доме было немало вещей и вещичек. Они томились на полках, столах и кроватях. Посуда, части механизмов, одежда – все это папа честно выменял на свой товар. Многие исчезали так же скоро, как и появлялось, но до этого момента постороннему глазу комнаты казались скорее полными. Асин – скорее пустыми: предметы, которые скоро обретут новых хозяев, она не могла воспринимать частью своего дома.

Вещи должны легко приходиться и легко уходить – так учил папа. Поэтому Асин не просила оставить их, даже если очень хотела. Впрочем, бывали исключения, кое-что папа щедро разрешал забрать. Так в комнате Асин появилась шаль, цветочная вода с едва уловимым запахом свежего утра, несколько платьев и светильник. И та самая механическая птичка из детства.

Взяв стаканчик, скорее похожий на наперсток – белый, гладкий, украшенный синими ягодами, – Вальдекриз плес-

нул туда масла.

– Эй, Ханна, ты о чем там задумалась? – Он щелкнул белыми от муки пальцами перед ее лицом, и она крепко зажмурилась.

– Асин, – выпалила она. – Меня зовут Асин. Почему ты... зовешь меня Ханной? – добавила она чуть тише.

Первое имя Вальдекриз узнал при знакомстве и использовал, если хотел в очередной раз над ней подшутить. Почему его внезапно заменило второе? Ведь если она – перо, то он – ветер, увлекающий ее за собой. Никогда раньше ей не было так тяжело слышать свое второе имя; оно будто подтверждало, что сейчас Асин ввяжется в какое-то пугающее приключение, оставив внизу мелко исписанного листа свою волнистую подпись. Вальдекриз так и будет тянуть ее за собой, как тянул в каждый полет. Казалось бы, так скорее прошел испытательный срок Асин, когда она могла только спускаться на острова и наблюдать – хотя даже это делала старательно. Но ни одно из решений не принадлежало ей: время и место всегда назначал Вальдекриз, а она лишь кивала, не решаясь возразить.

– Знаешь, в чем разница между первым и вторым именем, булка? – Он прищурился.

– В том, что второе несет смысл? – предположила Асин, заранее вжав голову в плечи и подняв брови.

– В том, что первое – для самых близких. Его дают тебе отец и мать. А второе... конечно, это лишь поверье, но имен-

но оно позволяет делить людей на своих и чужих. Неужели ты хочешь, чтобы я звал тебя так же, как отец?

Слова терялись в шуме посуды. Асин щурилась и напряженно ловила каждое. Распрямившись и повернувшись к ней лицом, Вальдекриз с важным видом поднял погнутую алюминиевую ложку, быстро выровнял об стол, обтер о рубашку и вонзил в тесто. Асин все не решалась ответить. Слово «нет» ножом рассекло бы воздух, и ей самой стало бы страшно от такого, пусть и не грозного, но крайне неприятного оружия. Впрочем, скорее всего, Вальдекриз и так все прекрасно понимал, а потому кивнул – ее молчаливый отказ едва ли задел его.

– А что до тебя?

– А что до меня? – удивился Вальдекриз. – Хочешь узнать мое второе имя? Маленькая хитрая бу-улка, – протянул он и улыбнулся.

Асин как-то уж слишком бестолково закивала.

– Давным-давно я отказался от него. Просто взял и решил носить первое. Оно состоит из случайного набора букв, но характеризует меня куда лучше красивого слова из мертвых книг. Я – это я, булка. Я создал себя. И да, слушай, все это очень мило, – оторвавшись от неспешного замешивания теста, он кивнул на сверток, который Асин все еще сжимала, – но я пришел за одной маленькой закорючкой, которую ты должна поставить вон там, под словами о том, что, если мы погибнем, никто не виноват.

Сердце птахой забилося у Асин в горле, захлопало крыльями в ушах. Она посмотрела на лист. Сейчас слово «нет» не казалось ей таким резким и неуместным. Оно хотя бы могло защитить ее, позволить ей остаться в местечке побезопаснее – например, дома, под пледом. Ведь в том, что «задание, за которое никто не желает браться», опасно, она не сомневалась ни капли.

– Не бойся. Со мной тебя никто не обидит. Думаешь, я стал бы предлагать тебе вылазку, с которой один из нас не вернется? – Вальдекриз шлепнул по тесту рукой, и Асин вздрогнула.

– М-м... нет? – пробормотала она.

И это было крайне нетвердое «нет», которое совсем не внушало надежду.

– Я смогу тебя защитить. К тому же, – он повернулся к ней и оперся масляной ладонью о белую от муки столешницу, – я выручил тебя, Ханна. Тогда.

Она кивнула. Не стоило продолжать, она прекрасно помнила, как опозорилась во время первого полета. И если бы не Вальдекриз, она бы в худшем случае умерла, а в лучшем сейчас сдувала бы пыль с библиотечных книжек и дышала запахами сырости и плесени. В безопасности. Вдалеке от договоров, содержащих пункты о твоей возможной гибели.

– Послушай, Ханна, от нас не требуется ничего невозможного. От тебя не требуется. Пришли, сделали все необходимое, ушли. Быстрое такое приключение.

Но слушать она не стала.

– Так если... – Голос сорвался. Асин прокашлялась в кулак, на миг отвернувшись, и продолжила: – Если все настолько просто, почему, – она коснулась пальцами горящего от стыда уха, – никто до сих пор не взялся за это дело?

– Ты задаешь правильные вопросы. Но совершенно не думаешь головой. – Вальдекриз хотел было стукнуть ее ложкой, но она закрылась руками. – Посмотри на себя: ты еще ничего не знаешь, а уже готова отказаться. Почему? Потому что боишься. Люди часто боятся неизвестного. Здесь работает тот же принцип. Когда-то давно там погиб человек. Когда-то давно это видел его близкий друг. Когда-то давно он вернулся, поседевший, трясущийся, с изуродованным лицом. Когда-то давно... Э-эй, ты чего?

Кажется, в этот момент Асин позеленела. По крайней мере, чувствовала она себя именно так. Ноги тряслись, дышать было трудно, голова кружилась. Подскочив, Вальдекриз спешно обхватил ее за пояс, закинул ее руку себе на шею и оттащил к стоящему у двери одинокому стулу. Упав туда, Асин постаралась вздохнуть поглубже. С улицы пахло свежестью, травой и... мокрой кошачьей шерстью?

Залились лаем собаки. Они прибежали к крыльцу, припали к земле, угрожающе зарычали, собираясь то ли броситься, то ли просто поругаться на одном им понятном языке. А мимо них, дернув рваным ухом, важно прошел кот. Здоровенный, черный, потрепанный – шерсть кое-где отсутство-

вала, проглядывали розовые бока, – но такой же непробиваемо спокойный. Он остановился рядом с Асин, выдал свое короткое безразличное «ме» и принялся сверлить ее тяжелым взглядом усталого путника.

– Твой? – спросил Вальдекриз.

– Мой.

И только Асин хотела сказать коту, что не сможет сейчас его покормить, как тот учуял оставшийся в собачьих мисках суп с квадратными кусочками моркови и вразвалку направился туда. Псам вскоре надоело скалиться, они вошли в дом и улеглись неподалеку от жирной черной тучи с коротким хвостом и маленькими треугольными ушками, не спуская с нее глаз.

– Наша с папой бестолочь.

– А я думал, ваша с папой бестолочь – это ты, – мягко произнес Вальдекриз и тут же выставил вперед ладони.

Асин высунула язык, затем закатила глаза и против своей воли улыбнулась. И, хотя приятные запахи улицы сменились вонью бродившего где попало кота, дышать ей стало легче – только руки продолжали дрожать.

– Истории передаются от человека к человеку, Ханна. И каждый раз обрастают новыми деталями. Лишь один знает, что произошло в тот день. Остальным просто хочется сделать именно свой пересказ самым красочным. – Вальдекриз прижал ладонью тесто, собрал со стенок миски и принялся комкать в небольшой, с кулак размером, шар. – Так что будь

смелее – и уже завтра вернешься домой с деньгами. Накупишь себе платьев, туфель. И знаешь, иногда для женщин привозят такие маленькие чудные носочки, – проговорил он с едва скрываемым удовольствием.

Оставив Вальдекриза наедине с тестом – в компании собак и явно оголодавшего кота, – Асин умчалась наверх, за пером. Гибкий кончик его украшали слова, непонятные, хоть и написанные знакомыми буквами. Значения их Асин не знала, поэтому иногда представляла, что так, например, могло выглядеть ее имя в мире Пока-Острова-Не-Поднялись-В-Небо. На давно перевернутом листе жизни, когда не было ни летающих островов, ни крылатых людей.

Водя острой железной лапкой по своей ладони, Асин медленно, шаг за шагом спускалась по лестнице. Пока в голову не пришла мысль, прятавшаяся за обидой на неуместные замечания о платьях и носочках – будто только это может заинтересовать девушку.

– Завтра? – спросила она, кажется, слишком громко, и нога соскользнула с нижней ступени. – Но я...

– Не готова? – Вальдекриз звучно шлепнул комок теста в миску. – Так будет каждый раз, Ханна. Пока не превратится в обыденность. Даже не знаю, что лучше: постоянное волнение или вечное недовольство. Ведь когда-то ты устанешь, острова будут казаться тебе похожими один на другой, а мир перестанет удивлять.

– Я ничего не знаю, – прошептала Асин. – Ни о том, ку-

да мы летим, ни о том, что надо делать. Да я даже не знаю, как эти лепешки готовить, мне папа рецепт оставил. А ты просишь меня расписаться.

И все же она вывела на листе подпись – летящую, чуточку неровную. Асин не хотела спорить. И слушать о том, как она останется без крыльев, без денег, без мечты – без всего.

– Я ничего не знаю, Вальдекриз. – Она надавила на бумагу кончиком пера, под которым стала медленно растекаться чернота. – Вообще ничего.

– Тебе и не нужно. Я же говорил: пришла, постояла, ушла. Остальное – не твоя забота. А будешь так переживать, – он быстро подошел к ней и схватил масляными и белыми от муки пальцами за нос, – оставлю без денег. – Он помедлил. – Ты можешь вообще отказаться, я пришел только за подписью. Ты же знаешь, что на острова не спускаются в одиночку, а так, – он кивнул на лист, – по бумагам нас двое. Если хочешь, отсыпайся завтра. А я все равно полечу. На восходе, – добавил он, будто прекрасно знал: она придет, потому что не сможет иначе.

Свои грязные ладони он вытер о хрустящее после кипячения полотенце, помял его, наслаждаясь звуком, и отсалютовал – приложил два пальца к голове, вскинул руку в воздух. Затем перетянул сверток лентой и отправил за пояс, пока Асин недовольно терла свое лицо, ища в голове хоть какой-то ответ. Но там крутились лишь носочки, платица. И отвратительно пугающее «завтра».

– Отдыхай, булка. – Вальдекриз накрыл тесто полотенцем и подоткнул края под миску. – Если захочешь, потом скажу, чем вкусно набивать лепешки-кармашки.

Он ушел. Не попрощавшись и не дав Асин ничего сказать. Она стояла, прижимая перепачканные чернилами ладони к щекам, смотрела на приоткрытую дверь, за которой шелестела, пригибаясь от ветра, пшеница. А вечером вернется папа, и Асин за едой непременно ему ничего не расскажет. Ведь так оно бывает у взрослых?

Асин пыталась перекрычать ветер. Она стояла, вцепившись в фальшборт несущегося по воздушным волнам корабля, который то тяжело поднимался, то резко падал. Собранные в хвост волосы разлетались, лезли в лицо и в уши, щекалочки руки, и Асин то и дело почесывалась, оставляя на бледной коже быстро исчезающие красные полосы.

Погода была отвратительной и прекрасной одновременно. Из-за горизонта выплывал оранжевый круг солнца, рассеивая лучи по бело-голубому холсту неба. Насыщенный свет расстилался по сонной воде. Острова вдаль выглядели черными силуэтами, которые совсем скоро обретут цвет; на фоне курчавых облаков беспокойно летали чайки, иногда пикируя к океанской глади. Однако яркие краски тревожили глаза – Асин предусмотрительно скрыла их за летными очками, которые тут же присосались к коже, – а от ветра деревенели пальцы и краснели щеки. К тому же окружающий шум по-

глощал, наверное, каждое сказанное ей слово – Вальдекризу приходилось то и дело прикладывать ладонь к уху. Впрочем, порой Асин казалось, что он попросту издевается.

После нескольких первых полетов матросы стали привечать ее. Даже сейчас они подходили, хлопали Асин по плечу – из-за этого она вздрагивала – или свистели в спину, чтобы потом помахать рукой или улыбнуться частично беззубым ртом. Она улыбалась в ответ, приветственно складывала ладони вместе, а внутри у нее расцветала гордость. Да, некоторые по-прежнему считали ее заигравшимся ребенком – это легко угадывалось во взглядах и жестах, даже когда они молчали. Но чаще ее, крылатую Ханну, встречали радостно и ждали рассказов о новых местах и странных делах.

За странные дела, конечно же, отвечал Вальдекриз. Он то ли действительно видел многое, то ли умел самозабвенно врать – Асин так и не разобралась. Она и сама каждый раз с интересом ждала очередную историю, хотя внешне старалась не выдавать распирающего ее любопытства. Просто кивала, поддакивала и подбрасывала незначительные детали. Их Вальдекриз умело вплетал в свой рассказ, и тот становился живее. Асин не любила – да и плохо умела – обманывать, потому опиралась на воспоминания папы и свои собственные – когда еще летала с ним на Второй.

Сейчас же, видимо, заметив бледность Асин, Вальдекриз по-быстрому разобрался с желающими познакомиться и пообщаться. Он стоял рядом, одной рукой крепко держась

за фальшборт, а другой выстукивая по дереву незамысловатый ритм, который за ветром Асин не слышала.

– А тот изуродованный человек, которого ты упоминал, – она склонила голову к плечу и повернулась к Вальдекризу, надеясь, что ее лучше будет слышно, – это ведь Атто? – Для верности она провела пальцами по своему лицу, изображая рассекающие его полосы. – Тот, кто учил меня технике безопасности?

– Атто, – бросил слово на ветер Вальдекриз, и оно влетело Асин точно в ухо. – Только раньше звали его иначе. Нинген.

Демон?

Так в старых книгах и стенах церкви называли существ, вылезших из самых темных глубин. Жестоких существ, не видевших света и не знавших любви. О них говорили негромко, со страхом. Асин слышала даже, будто именно они утаскивали под воду зазевавшихся рыбаков.

Глаза Асин округлились – да так, что это, кажется, было видно даже за мутными стеклами очков. Вальдекриз криво усмехнулся.

– Когда-то про него говорили, что демона сможет победить только другой демон, людям с ним не совладать.

– А сейчас?

– Булка, подумай своей милой круглой головой. Он встретил своего демона. Такой есть у каждого из нас. У тебя, у меня, – он обернулся и указал пальцем в сторону, – у него. – Вальдекриз приветливо помахал одному из матросов, тот по-

началу стал озира́ться, а затем усмехнулся и сдвинул на затылок шапку, похожую на мешок. – Нинген был легендой среди разведчиков. Он спускался на дно океана, видел затонувшие корабли. И чем дальше заходил, тем меньше в нем оставалось от человека.

Выходит, они направлялись на встречу с существом, сгубившим того, кому покорился даже океан. А ведь глядя на Атто, с его добродушной улыбкой, почти такой же длинной, как папина, и морщинами вокруг глаз, Асин и подумать не могла, что когда-то он был другим.

– Однажды он решил, что может все. Что он поднялся к солнцу. А на такой высоте, Ханна, никто не продержится долго. Кроме бога небесного, – учтиво добавил Вальдекриз, очертив в воздухе круг указательным пальцем. Он не походил на верующего, хотя – это Асин заметила совсем недавно – носил вышитый на манжете диск солнца с пересекающимися его волнами, знак двух богов – Верхнего и Нижнего, Неба и Океана. – И он не просто упал – рухнул камнем, утянув за собой верного товарища, единственного, кто еще мог его выносить. Когда он вернулся, в нем больше не было демона, остался лишь постаревший на целую жизнь Атто.

– У него правда забрали имя? – ахнула Асин.

– Он отдал его сам. Сказал, что больше не демон. Ханна, ведь он, наш старина Атто, совсем не похож на того, о ком я говорю?

Асин замотала головой так, что та закружилась. Ее окуты-

вал свежий морской воздух, запах древесины и – самую малость – рыбы. Казалось, будто она слушает очередную невероятную байку. А может, так и было. Ведь демоны не улыбаются так, что щекочет под ребрами, не треплют по волосам. Асин не слишком нравился этот жест – чересчур вольный для незнакомого человека. Но Атто виделся ей кем-то близким, вроде доброго дядюшки с вечной пригоршней сушеных ягод в кармане, которыми он щедро делился.

Шрамы превратили его лицо в жуткую маску, а вечные синяки под глазами, острые скулы и впалые щеки только дополняли этот пугающий образ. Но прячущаяся за книжками Асин никогда не задавалась вопросами, откуда все это взялось и почему Атто превратился в ходячего бледного мертвеца. Впрочем, даже сейчас она сомневалась, что, попытайся она об этом узнать, Атто ответил бы.

– Он о таком не рассказывает, – усмехнулся Вальдекриз и покачал головой, словно вспоминал о хорошем друге и эта ситуация казалась ему презабавной. – Кто вообще в здравом уме расскажет тебе о самой большой своей ошибке? И я говорю не о тех ошибках, из-за которых ты лишаешься дома или случайно за бесценку продаешь урр и живешь дальше на подачки добрых людей. Я говорю о тех ошибках, после которых человек перестает быть собой. Но ты можешь сказать имя его друга и...

– Это жестоко. – Асин нахмурилась.

– Это груз, с которым он пройдет всю оставшуюся жизнь.

И это его вина, Ханна. Странно, что после такого ему позволили обучать новичков. Но, – Вальдекриз фыркнул, – он был лучшим. Заслуги, пусть даже бывшие, иногда могут ой как помочь. Например, если не хочешь ночевать на улице.

– Тебе кто-нибудь говорил, что ты злой? – выдохнула Асин, надеясь, что ее не услышат. Но Вальдекриз постучал по мочке уха и закивал, показывая, что все слышал.

Дальше они летели без разговоров. Вальдекриз напевал себе под нос мелодию, которую ветер доносил прямо до Асин. Музыка обволакивала и успокаивала, а мотив казался знакомым. Асин ненадолго потеряла нить мыслей – вроде бы она думала об острове, а может, о молодом Атто – и попыталась вспомнить, откуда же могла знать эту песню. Спрашивать не хотелось, внутри поселилась маленькая обида, свернулась клубком и тихо рычала. А рядом с ней черным лохматым псом опустился страх. Он гонял по рукам Асин мурашки и всячески отвлекал – тем больше, чем дольше они летели.

Остров выплыл будто из облаков. Его огромный темный силуэт висел над океаном, а вокруг парили рваные белые клубы тумана, задевая свисающие корни. У самого края Асин заметила маленький заборчик, кривенький, где-то в половину ее роста. За ним стояло дерево, широкоствольное, густое, шуршащее мелкой листвой. А рядом из травы росли таблички. Асин успела насчитать три, когда Вальдекриз схватил ее за ранец и встряхнул, привлекая внимание.

Она недовольно отмахнулась, задела локтем гладкую деревянную ручку, приводящую в движение крылья, и вздрогнула.

– Пора, – без тени усмешки произнес Вальдекриз.

Разбежавшись и оттолкнувшись от перил, Асин прыгнула с корабля вниз и рванула за кольца – оба одновременно. С хлопком расправились крылья, заскрипела деревянная конструкция – и ветер, холодный, свежий, ударил в лицо. По коже – будто это первый полет, каждый раз будто первый, – от кончиков пальцев вверх побежали мурашки. Мир перестал существовать: остались лишь небо, вечное небо, и сама Асин. Мысли вышибло резким потоком воздуха, а в груди раскинула крылья, которым в таком маленьком человеческом теле было слишком тесно, радость, всеми силами пытающаяся вырваться наружу. Асин задержала дыхание, обхватила ладонями рычаги и сквозь полуопущенные ресницы посмотрела на обретающий очертания остров. Хотелось кричать, хохотать во весь голос, но вместо этого Асин отсчитывала удары бешено колотящегося сердца. И почти точно знала, когда опустится на густую траву.

Три, два, один.

Как только ноги коснулись земли, она сложила крылья, но все равно не удержала равновесие. Ранец потянул ее назад, и она упала на попу, крепко зажмурившись. Вальдекриз мягко приземлился следом, как всегда спустив летные очки на шею и смерив Асин насмешливым взглядом. Иногда

он казался птицей – иначе и не объяснить, почему крылья были как будто продолжением его тела. Вальдекриз потянул за острые хвостики ремней, шпеньки выскользнули из отверстий – и вскоре ранец грохнулся у его ног. Он быстро размял затекшие от тяжелого груза плечи, потер ладонью шею и поглядел на Асин, которая, недовольно сопя, все еще боролась с пряжками.

– Слушай, я заметила... – начала она, но не договорила, увидев рядом с собой одну из наспех вбитых в землю табличек.

Время и дождь изрядно попортили их, оставив лишь темные разводы вместо букв. Но догадаться было несложно: просто так таблички не ставили. Они предупреждали. Обычно – не о хорошем.

– Ты про них? – Вальдекриз поставил на колышек ногу и ударом каблука вогнал его глубже.

– Да, – растерянно сказала Асин и поднялась. Теперь она терла ладонями предплечья, тщетно пытаясь согреться, и пинала не то туман, не то клочки облаков.

– Слушай, Ханна, – Вальдекриз закинул руку за голову и с самым невинным видом почесал затылок, – ты, наверное, знаешь историю о старом мастере, который мечтал возвращать жизнь неживому.

Асин сжала зубы и напряглась. Как славно, что творить живое из неживого люди умели лишь в страшных сказках.

– Ну чего ты, Ханна? – Вальдекриз почти ласково погла-

дил ее по плечу и пояснил: – Он хотел очищать почву на далеких, мертвых островах, чтобы там можно было снова что-то выращивать.

Ладонь осторожно легла на талию, и Вальдекриз увлек Асин куда-то вперед. Она успела лишь бросить взгляд на сиротливо лежавшие в траве ранцы и почувствовать, как между бровей появляется маленькая неприятная морщинка.

– Не беспокойся, мы скоро за ними вернемся. Сейчас лучше идти налегке. Ничего не забыла?

Суетливо осмотрев себя, Асин хлопнула по поясу, из-за которого свисал сложенный вчетверо тканый мешок. Вальдекриз шагал широко, и Асин то и дело начинала семенить, переходить на бег или пыхтеть – как она ни старалась, поспевать за ним выходило плохо.

Из травы выглядывали полевые растения, добавляя однотонной зелени ярких красок. За пушистыми желтыми головками возвышались стебли, покрытые множеством мелких фиолетовых цветков. В маленьких зеленых кувшинчиках развернулись бело-синие лепестки, похожие на рваную мятую бумагу. Асин заметила даже ягоды – первые, еще не созревшие до конца, – но быстро потеряла из виду. А может, они просто не привыкли к людям и спешили скрыться с глаз.

– Мастер жил этой идеей. Вернее, болел. – Когда Вальдекриз продолжил рассказ, Асин захлопала глазами.

– А в чем разница?

– У жизни есть выбор. У болезни – последствия, – объяс-

нил он и, на ходу сорвав крошечный белый цветок на тонкой, точно веревочка, ножке, протянул его Асин. Та, недолго думая, сунула его за ухо, в волосы, слегка погнув стебелек.

– И какие же были последствия? – поинтересовалась она, понимая, что сам Вальдекриз не продолжит, ему нужен внимательный слушатель. Или же он просто издевается.

– У него была маленькая дочь. Мирра...

– Чижик? – заулыбалась Асин.

– Чижик, – выдохнул Вальдекриз и посмотрел на нее из-под челки. – Они жили вдвоем, и, пока папа горел идеей, ее выжигала болезнь. День за днем Мирра слабела. Мастер заметил это, когда от нее остался лишь уголек. Врачи качали головой и разводили руками: они никак не могли помочь. Мирру могло излечить лишь время. И тогда старый мастер решил спасти дочь иначе, с помощью самого дорогого – своего изобретения. Дни и ночи он перестраивал его. Так, чтобы оно выиграло для нее время и вернуло жизнь. Вот только очень высокой ценой.

Внутри кольнуло. Как и у Мирры, у Асин был только папа. Папа-который-умел-любить. Возможно, этому его научил дедуля, она не знала – как, впрочем, и самого дедулю. Маленькую Асин, увядающую от одиночества, папа брал с собой в полеты и показывал ей занесенную песками площадь Второго, где всегда было на что посмотреть. Он щедро делился самым дорогим – теплом, улыбками, интересными рассказами, выдуманнами лишь отчасти. А у бедной девоч-

ки с птичьим именем были лишь папина спина, сгорбившаяся над изобретением, колючий холод безразличия и болезнь.

Поднявшееся солнце окутывало белым сиянием цветы и травы, проникало сквозь листву. По ботинкам стекали капли росы. А на фоне сгущающегося по левую руку темно-зеленого леса была хорошо заметна рассеивающаяся туманная дымка. Асин вдохнула полной грудью запахи свежего весеннего утра, которые, как ни пыталась, не могла описать. Она вздрогнула, дернула плечами и принялась тереть их, чтобы согреться.

– И что же? – спросила Асин, переводя взгляд с полосы леса на Вальдекриза.

– Мастера нет уже много лет. А вот его железный паразит до сих пор жив. Как и Мирра. Они срослись в одно – плоть и механизм – и теперь путешествуют с острова на остров, цепляясь за днища пролетающих мимо судов.

– Как семена на птицах? – оживилась Асин. Однако от мыслей о том, что под крепким деревянным днищем могла зависнуть железная тварь размером явно не меньше человека, стало не по себе.

– Да, как семена на птицах, Ханна. – Вальдекриз громко, протяжно выдохнул и опустил плечи, всем видом показывая, что не собирается хвалить ее за сообразительность. – В общем, сейчас изобретение мастера, как ты, умница моя, наверное, уже поняла, здесь. Оттуда и таблички. Люди не ходят вглубь острова: спускаются, оставляют предостереже-

ние и улетают. Чтобы такие умники, как мы, случайно сюда не сунулись. Изобретение мастера уже не столь совершенно, но ему все еще хватает сил, чтобы...

Он так и не сделал следующий шаг – нога замерла в воздухе над пучком сухой травы. Жестом остановив Асин, Вальдекриз кивком показал куда-то вперед, туда, где растения пожелтели, а широкие листья свернулись, точно их смяли пальцами. Опустили лепестки цветы – теперь они напоминали пергамент, шипы, старушечьи волосы. Чем дальше, тем чаще виднелись проплешины растрескавшейся земли. Взгляд Асин цеплялся за погибшие кустарники – шары из хрупких сухих веток – и за деревья вдалеке, почти полностью голые.

– Что это? – ужаснулась она, опускаясь на колени, чтобы проверить, не привиделось ли. Но трава в ее ладони крошилась, липла к коже и осыпалась.

– Это Мирра, Ханна. Чижик, который наверняка устал вот так жить, – он обвел рукой погибающий остров.

Стиснув зубы, Асин сглотнула, а голова ее, точно игрушечная, нервно дернулась. Дети, только открывающие для себя острова и впервые видящие изгибы китовых спин, редко уставали. Наоборот, они неслись, сшибая все, навстречу небезопасным приключениям. А следом бежали родители. Или такие же шустрые друзья. У Мирры же был только механический страж.

Маленькие белые цветки, похожие на тот, которым украсила волосы Асин, выделялись на фоне болезненной желтиз-

ны. Совсем скоро остров полностью высохнет и начнет опадать в воду крупными комьями земли. И никто даже не заметит этого. А Мирра и ее механический страж продолжают путешествовать.

– Выходит, он поддерживает в этой девочке жизнь, забирая ее у островов? – тихо спросила Асин.

– Он? – не понял Вальдекриз.

– Механический страж.

– Ты уже и имя ему дала? – усмехнулся он. – Но ты права. Он исполняет последнюю волю мастера и охраняет его единственное сокровище. Но он давно сошел с ума, как и все старые механизмы. Поэтому если раньше он старался избегать людей, то теперь – после визита Нингена – считает их врагами. И, – он дернул бровями и загадочно улыбнулся, – использует их как материал.

– Как...

– Материал, Ханна. Давай без этого, – Вальдекриз закатил глаза. – Запомянай, что нужно от тебя: ничего.

– Ничего?

– Умница. – Он, явно издеваясь, потрепал ее по голове. – Ты ждешь меня. С мешком. Сидишь около наших ранцев и... на этом все. А я постараюсь подобраться как можно ближе к Мирре. Ты не представляешь, как нам будут благодарны, если мы доставим... Как ты его там назвала? Механического стража? Пусть по частям – без разницы. Конечно, лучше бы целого, сама понимаешь, так проще изучить принцип

его работы. В общем, мне четко дали понять: если мы с тобой каким-то чудом его заполучим, нам хорошо заплатят. – Подчеркивая серьезность слов, он повторил: – *Очень* хорошо. А ты к тому же зарекомендуешь себя как неплохой разведчик.

«Скорее как неплохое приложение», – невесело подумала Асин.

Скребли по земле сухие желтые листья, потревоженные ветром. Царапались о подвернувшиеся края трещин, застревали в траве и недовольно шелестели, пытаясь выбраться. Асин плавно поднялась, обернулась и наконец ступила правой ногой на погибшую почву, пока левый ботинок все топтал пожухлую, но еще живую зелень.

– Зачем ты притащил меня сюда? – поинтересовалась она, запрокинув голову и взглянув на одинаково синее для живого и мертвого небо.

– Просто чтобы ты один раз увидела. Ты совсем не умеешь рассказывать, булка. Тебя слушают только потому, что ты миленько выглядишь, – спокойно ответил он и пожал плечами, будто говоря: «Ну извини, – и тут же: – Сама виновата». – А если без шуток, то я уже объяснял: на острова всегда спускаются хотя бы двое, потому что каждому, даже самому подготовленному, нужна страховка. Так, у Нингена был его напарник, а у меня – ты. Вот только я устанавливаю время, я договариваюсь с судами, я готовлю оборудование. А ты просто получаешь его на руки. И не всегда проверяешь, ра-

ботаает оно или нет. Я прав?

Это тяжело было признать, но Вальдекриз был прав. Возможно, после подписания очередной бумаги Асин следовало сходить на склад, подготовиться или хотя бы обговорить все подробности, но она оставалась дома, с папой и едой. Чем меньше думаешь, тем меньше волнуешься. Так ей казалось. А потому сейчас она не могла даже возмутиться, хоть и чувствовала, как слова Вальдекриза оседают внутри и начинают неприятно, как эти сухие листья, царапаться.

– Ты даже не знаешь, что недавно у твоего ранца треснула одна из реек. Не твоя вина, – тут же успокоил он. – Но я, например, проверяю их до и после полетов.

Хотелось взвыть. И выпалить резкое, чуть виноватое: «Знаю, ты молодец, а я – нет». Но Асин сдержалась, закусив губу. Впрочем, на лице, кажется, отразилось все: Вальдекриз тихо, почти беззвучно засмеявшись, вновь потрепал ее по волосам и перестал нахваливать себя.

– Не надо благодарностей, Ханна. Все просто: и тебе и мне нужны деньги. А для этого необходим напарник. Но тебя никто не возьмет *пока*, а меня никто не возьмет *уже*. Потому что я непременно потащу смотреть на древнее механическое недоразумение, – терпеливо пояснил он. – Поэтому сейчас просто жди. Запомнила? А я постараюсь не разбудить Мирру. Кстати, если хочешь сделать что-то полезное, оставь на одной из табличек сегодняшнюю дату. Потому что Мирра еще здесь.

– А почему ты так уверен? – удивилась Асин.

– Ну, во-первых, остров не до конца иссушен, а во-вторых... – Не договорив, он снова кивком указал вперед.

Над ровной сухой землей возвышался пригорок, ощети- нившийся пожелтевшей травой. Торчащие в стороны коря- вые, местами поломанные ветви напоминали рога дикого зверя – будто весь он, этот островок на островке, был живым и сейчас просто свернулся и спал.

Не сразу Асин заметила блестящий в солнечном свете ме- талл. Из-за пригорка виднелось что-то похожее на механи- ческую конечность насекомого. Несколько секунд оно стоя- ло неподвижно – как вдруг задышало, выпустило в воздух клуб горячего пара и припало к земле, нет, вонзилось в нее. Асин дернулась, но гладкая матовая лапка, длиной, навер- ное, с человеческую ногу, замерла.

– Поверь, ты не хочешь с ней знакомиться, – Вальдекриз покачал головой. – К тому же она тебя не поймет. Но если вдруг захочешь помочь, кричи.

– Что? Ты совсем... – возмутилась Асин, но так и не смо- гла подобрать нужное слово.

– Просто отвлеки ее, а я выведу из строя хотя бы одну ее конечность и выиграю нам время.

Хотя бы одну? Выходит, Асин была не так уж и далека от правды, когда думала о насекомом.

– А почему этого не сделали раньше? – спросила она. – Ведь любой механизм можно вывести из строя.

– Смешная ты, Ханна. Конечно, ее выслеживали и ломали. Только она уже давно научилась чинить себя. У этого механизма разум пусть и дикого, но человека, – пояснил Вальдекриз. – Правда, сейчас он постарел, а значит, шанс есть. Небольшой, конечно, – неутешительно добавил он. – Но если вдруг что-то пойдет не так, мы всегда можем схватить ранцы и быстренько прыгнуть на соседний остров. Или в воду.

– Или... что? – удивилась Асин.

Она так и не получила ответа на свой вопрос. Вместо этого ее развернули и указали вперед. Она оглядывалась, открывала рот, хмурилась, но ее лишь красноречиво подталкивали, показывая, что здесь ей делать нечего. Асин в очередной раз уперлась пятками, вскинула руки... и услышала *это*.

Защелкали, застрекотали металлические сочленения, задышали горячим паром. Раздался лязг, словно кто-то точил ножи, и механическая конечность скрылась из виду за травой, ветвями и сухой землей. Видимо, Асин возмущалась слишком громко. И потревожила стража. Вальдекриз негромко спросил:

– Помнишь, что я говорил тебе о машине с человеческим разумом?..

Их накрыла вытянутая тень с десятком кривых лап.

Асин медленно перевела взгляд за спину Вальдекриза и подняла голову. Над пригорком, ломая конечностями хрупкие ветви, возвышалась механическая тварь, похожая на огромную сороконожку, в середине которой – в неболь-

шой нише железного нутра, почти в желудке, если бы у твари он был, – висела девочка, бледная, обнаженная, с длинными выгоревшими волосами и мутными глазами. Она скалила кривые желтые зубы, дергала острыми плечами и царапала поломанными ногтями сдерживавшие ее ремни. Тело ее будто билось в судорогах, ребра натягивали кожу, под которой, казалось, были лишь кости и мышцы. Длинные черные трубки, уходящие в плоть, делали ее единой со своим стражем. Она открыла рот. Завизжала. И механизм ожил – медленно двинулся вперед, поднимая клубы пыли и неумолимо набирая скорость.

– Кричи, – не оборачиваясь на машину, произнес Вальдекриз.

– Что? – слетело с губ Асин. Она хотела отвести взгляд от Мирры, но не могла.

– Кричи, Ханна! – повторил он чуть громче и, пригнувшись, откатился в сторону.

Пальцы его привычным движением отщелкнули пряжку небольшой поясной сумки. В траву посыпался хлам – поломанные безделушки, кривые шестерни, моток ниток. Но Вальдекриза интересовало лишь одно. Обратив взгляд на Мирру, он достал из сумки отвертку и, подбросив в воздух, ловко поймал ее.

И тогда Асин закричала. Опустила руки вдоль тела, запрокинула голову и издала вопль, которого и сама испугалась. Ее услышали: машина застыла, перебирая в воздухе желез-

ными лапами; Мирра потянулась руками к ушам, пытаясь их закрыть, но ремни держали слишком крепко. Кожа под ними была болезненно красной, местами – Асин заметила, когда прервалась, чтобы глубоко вдохнуть, – виднелась запекшаяся кровь.

Асин закричала вновь, а по ее щекам побежали горячие слезы. Ей не было страшно за себя, хотя, если верить Вальдекризу, страж мог запросто разорвать ее. Она думала о Мирре, о бедной больной девочке, запертой в железном теле. О Мирре, которой она с радостью рассказала бы об островах, китах, варенье, новых платьях и смешных названиях корабельных снастей – обо всех упущенных мелочах. Она кричала, удивляясь, откуда у нее на это взялись силы, и не могла перестать. А внутри вскипали, обжигая, вопросы. А если бы у нее отобрали детство? А если бы у нее отобрали папу? А если бы у нее отобрали выбор?

Горло засадило, крик стал заметно тише, и страж, заваливаясь набок, двинулся к ней. Его конечности путались, а тяжелое тело, напоминавшее сороконожку, кренилось вправо. Вибрацию земли от его поступи Асин чувствовала ступнями. Выждав момент и вытерев рукавом глупые слезы, она отпрыгнула в сторону и, повторяя за Вальдекризом, перекатилась. Не столь изящно, скорее неуклюже.

Перевернувшись на живот, Асин встала на колени и огляделась. Ее больше не преследовали: страж бил лапами по земле, кружил на месте. Он пытался стряхнуть с себя

Вальдекриза, а тот, зацепившись рукой за одну из металлических пластин, откручивал какой-то винт. Со лба стекал пот, вены на запястье вздулись от напряжения, пальцы иногда скользили по гладкой рукояти. Но Вальдекриз, смахивая с глаз челку и ругаясь, продолжал работать.

– Эй! – Асин поднялась и замахала руками, надеясь, что Мирра скорее обратит внимание на движущийся объект. – Эй, я здесь! – Она откашлялась, вытерла руки о штаны и, сунув мизинцы в рот, свистнула.

Страж опять замер. Замер и Вальдекриз, но довольно быстро пришел в себя, прыгнул на землю, вцепился в отвертку уже обеими руками – и винт поддался. Механическая конечность тяжело упала в сухую траву, однако страж продолжал крепко стоять на оставшихся.

– На память заберу! – Вальдекриз покрутил в руках винт и спрятал в сумку. В следующий миг в грудь ему прилетела одна из железных лап, сбивая с ног.

Отвертка выпала из пальцев. Механический страж пригвоздил его к земле, как насекомое. Он давил все сильнее, а девочка в его объятиях хрипела, рычала, билась, то и дело задевая головой железные стены своей тюрьмы. Мирра щелкала зубами, подвывала, но Асин не слышала ни одного человеческого слова.

– Беги, – прохрипел Вальдекриз, хватаясь за железную конечность и пытаясь хотя бы сдвинуть ее в сторону. – Беги, дура!

– Нет, – прошептала Асин. Вскинулась и повторила громче: – Нет!

Вальдекриз, скривившись от боли, откинулся на жесткую хрустящую траву. Рука его пыталась нащупать отвертку, а сам он, стиснув зубы, рвано дышал.

– Тяжелый, – он с усилием усмехнулся.

Приближаться было страшно: вдруг механический страж, совсем разъярившись, сломает Вальдекризу грудную клетку. Поэтому Асин прыгала на месте, размахивала руками, кричала и свистела. Но тщетно – блестящее железное насекомое с изрядно помятым пластинчатым телом внимательно наблюдало за ней, наваливаясь на Вальдекриза. Тот хрипел, кашлял, вновь отрывисто глотал воздух и, казалось, почти не двигался, пока наконец...

– Подавись! – выплюнул он и, откатившись в сторону, забрал с собой длинную острую лапу. В примятой траве, где он совсем недавно лежал, валялись винты. Каким-то чудом Вальдекриз умудрился разобрать пригвоздившую его конечность.

Неуклюже переступая, страж пытался удержать равновесие, но две отнятые конечности очень этому мешали. Он пригибался, явно желая опереться на все лапы, но Мирра пищала, шипела – наверное, не хотела видеть размытую землю и вдыхать сухую пыль.

– Знаешь... – Вальдекриз все пытался отдышаться. Он вытер основанием ладони губы и повертел, точно выкид-

ной нож, железную конечность, пока та больно не ударила по локтю. – С годами он и правда стал слабым. Медлительным. Неуклюжим. Совсем как человек.

Покачиваясь, Вальдекриз подошел к стражу с другого бока и что есть силы пнул. Огромная сороконожка с грохотом рухнула на землю и подтянула хвост к груди – туда, где висела Мирра, явно пытаясь ее защитить. Лапки шарили по земле в поисках недостающих деталей, но, не находя ничего, лишь беспомощно скребли траву.

– Я не вижу перед собой того, кто оставил Нингену шрамы и разорвал на части его напарника. – Вальдекриз поставил ногу на одну из железных пластин и, пока страж старался закрыть Мирру, принялся откручивать винт за винтом. – Он отжил свое, Ханна. – Хрипло усмехнувшись, он потянул на себя один из щитков – и тот согнулся.

– Стой! – с дрожью попросила Асин и коснулась, прося у богов немного храбрости, оттопыренного кармана штанов, где лежала птичка. Та самая железная птичка, сломанная и хрупкая. – Пожалуйста...

– Прошу тебя, – фыркнул Вальдекриз.

Но она уже бросилась вперед, к маленькой дрожащей девочке, и протянула ей игрушку. Страж ожил, зашевелился, ударил лапой – металлическая конечность порвала Асин одежду, от плеча до груди, а с ней вспорола и кожу. Длинный кривой след наливался красным, покрывался алыми каплями, пульсировал. Но почему-то не болел.

– Ханна! – крикнул Вальдекриз, попытался оттащить ее за рубашку, но она вырвалась. Послышался треск ткани, и белая нить червем выползла наружу. Частично оторванный рукав сполз по плечу, собрался волнами и замер.

– Мирра...

Очередной удар пришелся в живот. Асин заскулила, сжалась, но не выпустила птичку, лишь заботливо прикрыла ее ладонями.

– Ты совсем спятила? – Вальдекриз обхватил ее за талию и опять потянул назад, прочь от обезумевшего стража.

– Ей страшно! – выкрикнула Асин, ударив о землю каблуком.

– Она даже не понимает тебя!

– Отпусти!

Кремовая рубашка стала темной от крови, красные бусины побежали по коже. Асин вырывалась, не выпуская птичку, она кричала, и вместе с ней кричала Мирра. Возможно, она и правда не понимала. А еще ей было одиноко. Одиноко и страшно.

– Она убьет тебя, – процедил сквозь зубы Вальдекриз.

– Она – нет, – огрызнулась Асин. – Ты знаешь, как чинить машины. Я знаю, как чинить людей.

Хватка чуть ослабла. Асин выскользнула и, прижимая к груди игрушку, снова побежала к железному кокону, внутри которого билась Мирра. Ослабший страж не собирался сдаваться: распрямил хвост, пытаясь сбить Асин с ног, оше-

тинился лапами, поднял в воздух облако раскаленного пара. Но Асин все равно приблизилась.

– Мирра, я знаю, тебе не хватает папы. И не только папы! Вокруг тебя лишь пустые острова. Где нет тепла, одни лишь камни! – Она увернулась от очередного выпада. – Потому что когда-то он решил, как тебе будет лучше. Он хотел спасти тебя, понимаешь? Ведь кроме тебя, у него ничего не было, Мирра! – Она отскочила назад, едва не пропустив удар. – Он любил тебя. Просто иногда родители не понимают, на что обрекают детей, когда... уходят.

От крика Мирры болели уши, тяжелело сердце. Она не слушала, только сильнее злилась. И чем яростнее она билась в ремнях, тем отчаяннее защищал ее страж. Асин посмотрела на птичку в своих руках. Тихо попрощалась с любимой игрушкой, опустила ее на землю и, когда механическое насекомое в очередной раз раскинуло лапы, бросилась вперед. Чтобы заключить Мирру в объятия.

– Ты... – крикнул Вальдекриз и осекся: конечности стража разом полетели Асин в спину.

Но остановились, так и не вонзившись.

Мирра пахла мочой, потом и грязью, ее волосы сваялись. У нее были острые ногти, которыми она царапала кожу Асин, и большие, полные слез глаза – некогда голубые. Она пищала, и этот звук едва напоминал недавний крик. Лапы механического стража прижались к спине Асин и замерли. Они были жесткими и горячими, они болезненно скребли, но не пы-

тались ее разорвать.

– Я заберу тебя, – прошептала Асин, – с этих одиноких островов. Туда, где тебя умоют, накормят и переоденут. Туда, где тебя встретят не как чудовище из легенд, а как потерявшуюся девочку, Мирру, дочку гениального мастера, которой нужна забота.

Застрекотали оставшиеся лапы, напряглись железные пластины. Пыхтя паром, огромный страж начал подниматься. Асин сжалась, прикрыла голову руками, понимая: это ее не спасет. И вдруг он осел вновь, глубоко и протяжно выдохнув, грузно упал брюхом на землю – и затих. От поднявшегося жара на лбу и щеках Асин выступили капельки пота, которые она спешно смахнула пальцами. В тот самый момент, когда она опустила руки и взглянула на Мирру, та слабо обхватила ее запястья и заскулила. Ей больше не хотелось холодных железных объятий. Стражу оставалось только смириться с этим.

Проникший под тонкую кожу девочки страж отпустил ее, черные трубки покинули тело, безжизненно повисли. Чтобы совсем не испугать Мирру обрушившимся со всех сторон миром, Асин напевала ей колыбельную из детства. Знакомую каждому ребенку – о китах, о жидком небе, о воздушных кораблях. Ее папа когда-то подхватил от мамы. И именно ее совсем недавно мурлыкал себе под нос Вальдекриз.

– Скажи честно, ты не умеешь чинить людей, – усмехнулся он, подойдя и опустившись рядом на одно колено.

– Не умею, но смотри, – заулыбалась Асин: стоило ей освободить руки Мирры, как та обхватила ее за шею и повисла, – она обнимается.

– И ты не знаешь, что теперь с ней делать, – продолжил Вальдекриз, помогая справиться со старыми, тронутыми коррозией застежками, все еще державшими Мирру.

– Не знаю.

Но сейчас это заботило Асин меньше всего. Она поднялась, подхватив Мирру на руки. Девочка слабо шевелила ногами в воздухе, оглядывалась, трясла головой и недовольно ворчала. По ее коже бегали мурашки. Она была такая тонкая, такая маленькая, что Асин практически не чувствовала ее веса.

– Но я придумаю. А пока, – она покачала Мирру, – я пойду ждать тебя у ранцев. С мешком. И ни-че-го не делать.

Они улетали с острова, оставив одинокого, зато почти целого стража, – за которым вернутся уже без них, – и прихватив с собой маленькую Мирру. Ей Вальдекриз пожертвовал один из мешков, предварительно сделав в нем прорези для рук и головы. Жесткая ткань пахла едой, и Мирра временами пыталась ее пожевать.

Она не боялась высоты и кораблей, подставляла лицо ветру, но всякий раз пыталась сбежать от подходивших слишком близко людей. Правда, ослабевшие ноги совсем не держали, и Мирра падала и плакала так горько, что приходилось

утешать ее и давать маленький кусочек хлебного мякиша, который она мяла во рту. Птичку Мирра не приняла – может, устала от всего железного, а может, просто не знала, что с ней делать. Ее не съешь, в нее не заберешься. Куда больше Мирру интересовало все вкусно пахнущее. И порядком проголодавшаяся Асин понимала ее как никто.

На корабле раны Асин обработали и наспех перебинтовали, хотя она и просила не беспокоиться о таких мелочах. Вальдекриз же скрыл от всех оставленные стражем раны. Он летел домой, усевшись на палубе и обхватив себя руками, будто очень устал; голова то и дело падала на плечо. По возвращении он сразу исчез, прихватив добычу и оба ранца. Асин пыталась отыскать его, но вокруг сновали лишь люди, пришедшие на Рынок за покупками.

Недолго думая, Асин отправилась к стенам училища, прижимая к груди Мирру. Та грызла хлебную корочку, мотала головой, пытаясь оторвать кусочек, и пряталась от любопытных глаз за своими длинными волосами. Как странно: Вальдекриз доверил ей девочку без опасений. А ведь он, если верить его словам, держал под контролем все.

– Дочь Кочевника притащила откуда-то замарашку, – прилетело в спину Асин.

– Бедная девочка, – ахнул кто-то справа.

– Вы только посмотрите, какие ножки тоненькие. Палочки, – удивились слева.

Но Асин не смотрела на этих людей, она гордо шла по ши-

рокой каменной улице, стараясь слушать не их, а стук собственных ботинок и довольное чавканье Мирры.

В стенах училища Асин встретили тепло и принялись расспрашивать. Нашивка, быть может, открывала двери, но никак не помогала уйти от обычного человеческого любопытства. Так что во внутреннем дворе, усаженном цветами и аккуратными круглыми кустами, Асин задержалась надолго. Она бесконечно говорила и извинялась, она топталась на месте и качала испуганную Мирру. Снова пыталась узнать, куда растворился Вальдекриз, но люди только пожимали плечами. Наконец ей ответили, бросили два коротких слова: «здесь» и «отчитывается». После чего высыпали новый ворох вопросов, касавшийся одной лишь Мирры, которая указывала на свой рот и щелкала зубами, намекая, что хлеб закончился.

Когда последний равнодушный ушел, Асин выдохнула. Она присела на невысокое каменное ограждение, отделявшее ее от ухоженного сада, спустила с рук Мирру и потерла ладонями лицо. Больше всего на свете ей хотелось домой, к папе. И чтобы никаких больше расспросов. Она сидела под невысокой белокаменной аркой, кое-где поросшей плющом, вдыхала аромат свежей зелени и чувствовала бьющееся в горле сердце. Наклонившись, Асин коснулась ладонью короткой стриженной травы, которую не тревожил ветер, и прикрыла глаза. Мирра рядом беспокойно ерзала.

– Асин? – донесся мягкий, чуть усталый мужской голос.

Асин выдохнула и приготовилась оправдываться, извиняться – лишь бы ее хоть ненадолго оставили в покое. Она подняла голову. За деревцем с прямым гладким стволом и кроной, похожей на зеленый сплюснутый мяч, маячил высокий мужчина с секатором. Солнце разливалось над садом и окутывало его фигуру мягким светом.

– Нинген? – тихо спросила Асин. Уши тут же загорелись, а голова слегка пошла кругом.

– Агто, – так же мягко поправил мужчину, сделав несколько шагов вперед.

Он никогда не звал ее по второму имени. И от этого еще сильнее казался ей не учителем, не наставником, а добрым дядюшкой. Агто улыбнулся, и из-под рваной верхней губы показались поломанные зубы.

– А это, значит, она? – Агто кивнул на пытавшуюся завалиться в траву Мирру.

– Вы все слышали? – Асин стало неловко и отчего-то тревожно.

Она обхватила Мирру двумя руками и прижала к себе, готовая, если что, бежать со всех ног. Мирра же, распутив и без того растрепавшийся хвост Асин и бросив в сторону ленту, принялась перебирать волосы, то и дело зарываясь в них лицом.

Зашелестела за оградой трава, зашуршали листья, с кустарников сорвались крохотные белые цветы с желтым сердцем и покатались по узкой протоптанной дорожке прочь.

Асин коснулась рукой своих волос и нашла запутавшийся в них цветок, до которого еще не добралась Мирра. После всех приключений тот поник и скорее походил на скомканный бумажный листок на кривой ножке.

– Я... подстригал, – Атто указал на деревце, а затем, положив секатор у своих ног, поднял руки, будто желая сказать: «Я безоружен. Я не обижу». – Где ее оболочка?

– Страж? – Почувствовав, как Мирра слегка куснула плечо, Асин пригрозила ей пальцем. – Вальдекриз разобрал его. А она, – Асин убрала длинные волосы от лица Мирры, – решила пойти со мной.

– Хочешь совет, Асин? – Атто подошел и положил широкую дрожащую ладонь на голову Мирры. Та зашипела, но не отстранилась, слишком увлеченная чужими волосами.

Поначалу было страшно, что он свернет ей шею. Девочка со слабо работающими руками и ногами никак не смогла бы себя защитить. Но Атто лишь тяжело гладил. И смотрел с жалостью и отвращением, как на мертвую, некогда пугающую легенду, от которой не осталось ничего. Такой легендой был, если верить Вальдекризу, и он сам.

– Отдай ее в церковь. Боги принимают всех. И людей, и бывших чудовищ. Они не судят.

– Благодарю за совет, – ответила Асин и тихо вздохнула. – Как жаль, что люди не умеют так.

Атто опустился на колени, взглянул в блеклые глаза Мирры и протянул ей мозолистую ладонь. Мирра долго вертела

головой, пищала, причмокивая, а затем обхватила его указательный палец. И улыбнулась, широко растянув сухие бледные губы, из-под которых выглянули желтые клыки.

– Умеют, Асин. Просто им... сложнее забывать. Я долгое время ненавидел ее, хотел поскорее встать на ноги, вернуться и сбросить ее вместе с оболочкой в океан.

– А потом? – Асин затаила дыхание.

– А потом мне набили морду. Знаешь, это иногда помогает. – У него был хриплый, беззлобный смех, за которым чувствовались так до конца и не зажившие раны. – Так я наконец смог понять, что ненавидел механизм и ребенка за свои ошибки. И что эта ненависть не вернет ничего. А сам я могу вернуть хоть что-то. Я старый, – без тени сожаления произнес он. – Но целый. И... смотри. – Слова порой задерживались, прежде чем выскочить из его рта. – Почти не трясутся. – Он показал мозолистую ладонь, растопырив сухие длинные пальцы.

И пусть Асин в тот момент захотелось порывисто обнять его, она сдержалась. Лишь кивнула, прикрыв глаза, и вместе с Миррой ухватилась за указательный палец Атто. Глаза тут же защищало от слез.

– Я смогу навестить ее? – спросил Атто, медленно поднимаясь с примятой травы.

– Конечно, – Асин засияла. – Она очень любит мягкий хлеб. И обниматься, – добавила она.

– И обниматься, – задумчиво повторил Атто и, напевая

себе что-то под нос, направился к оставленному секатору. Будто и не было ни этой встречи, ни этого разговора.

А Асин, подхватив недовольно ворчащую Мирру, двинулась прочь.

Железный Город

Белые гладкие камни, залитые утренним светом, еще не успели прогреться. Высокие стены, окружавшие родное училище, и росшие перед ними деревья с пышными кронами отбрасывали длинные тени. Прозрачный воздух пах океаном и выпечкой. Живот Асин мгновенно скрутило, и она вцепилась зубами в гренку, на которой неровным желтым пятном лежало подтаявшее сливочное масло. Позавтракать дома, в компании папы, ей не дали, а по дороге постоянно подгоняли, и несчастный квадрат подсушенного хлеба она тащила в зубах, на ходу шнуруя платье и набрасывая поверх жилет с нашивкой.

Прошло пять дней с тех пор, как они вернулись. Папа поступил мудро: не стал вываливать на больную голову нравов учения и говорить, что предупреждал. Вместо этого он промыл Асин раны и перевязал ее, поставил на стол плошку чуть теплой каши, кружку молока и сел напротив, сложив шпилем руки у лица. Он не находил себе места, старался быть рядом как можно чаще. Но ни разу Асин не услышала от него и слова осуждения.

На второй день папа познакомился с Миррой: матушка воспитательница приняла ее в стены церкви и выдала новое платье – светло-синее, из-за чего девочка казалась еще бледнее. Ходить она не могла – не держали тонкие, как веточки,

ноги, – зато хватала руками, дергала, била. В общем, делала все, что делают маленькие дети, только начавшие познавать мир. Конечно, ее длинные волосы пришлось отрезать по самые уши, и теперь она напоминала белый пушистый цветок.

Когда Асин с папой заглянули в церковь, с Миррой сидел Атто. Глядя ее по мягкой макушке дрожащей рукой, другой он выкладывал из мешка различные сладости. Матушка воспитательница, грузная женщина в платье болотного цвета, осуждающе смотрела на него маленькими глазками, которых было почти не видно из-за больших круглых щек. Слышно было, как она ругалась, тщательно подбирая слова, чтобы не учить детишек плохому. Но Атто лишь отмахивался, бросал: «Ну чего раскричалась, тетка?» – и протягивал Мирре то маленький глиняный горшочек с вареньем, то орешки в меду.

Общались Мирра звуками, почти как кот, который снова пропал, изрядно подчистив собачьи запасы еды. Но по интонации легко можно было догадаться, довольна она, рассержена или хочет есть. «Бедная девочка», – причитала матушка воспитательница, но на всякий случай убирала подальше все бьющиеся и острые предметы.

Папа же в подарок принес ей железных рыб на веревке, которых повесили у окна. Всякий раз, когда рыб тревожил ветер, они бились друг об друга и задорно, точно маленькие колокольчики, звенели. Этот звук успокаивал Мирру.

Оставшееся время Асин проводила дома. Ей захотелось

самой, пусть и с папиной помощью, починить маленькую птичку, изрядно уставшую путешествовать в кармане. После столкновения со стражем она даже перестала дергать лапками и постоянно заваливалась на круглый бок. Папа же был рад поделиться с Асин хоть частью своих знаний.

Так они и жили – привычно тихо, даже немного скучно, пока ранним утром пятого дня не пришел не самый приятный для Кочевника гость. На сей раз Вальдекриз постучался и вежливо, как тварь из легенд¹, дождался приглашения войти – лишь после этого переступил порог. Заспанная Асин, которая сегодня позволила себе полежать подольше, помахала ему перебинтованной рукой и уже собиралась против воли папы пригласить Вальдекриза позавтракать с ними, но ее перебили.

– Собирайся, Ханна, хватай нашивку – и пошли. Объявили общий сбор. – Вальдекриз зевнул в кулак, потер глаза, под которыми залегли круги, и кивнул на дверь.

И вот они стояли в самом центре волнующейся, шепчущейся, такой же сонной толпы. Асин доедала хлеб и облизывала жирные после масла пальцы, а Вальдекриз, облокотившись на ее плечо, сгорбившись, озирался, будто пытался углядеть кого-то. Спешная прогулка до Рынка и бьющий в лицо ветер помогли Асин проснуться, и она чувствовала себя чуть бодрее окружавших ее людей, которые растянулись

¹ Здесь имеется в виду суеверие, согласно которому вампир не может пересечь порог человеческого жилища без приглашения. (*Прим. ред.*)

по площади перед широкой белокаменной лестницей, ведущей в главное здание училища.

– А ты хорошо выглядишь для человека, которого чуть не раздавил огромный механический страж, – улыбнулась Асин и легонько ткнула Вальдекриза пальцем в грудь, туда, где должен был остаться след от тяжелой железной конечности.

– Надо же, какая ты смелая, булка, – усмехнулся он, увернувшись от очередного тычка. После чего, посерьезнев, схватил Асин за плечо, надавил большим пальцем на ее до конца не затянувшуюся рану и выдохнул: – Не делай так больше. Никогда.

Под ногами мельтешили скрюченные листья: то катались смятой бумагой, то кружились в странном танце. Асин быстро отвлеклась от Вальдекриза – тот был явно не в настроении. Она вертелась, прислушивалась, смотрела на самый верх лестницы, где что-то обсуждали, бурно жестикулируя, люди. Там был Атто; с привычно усталым выражением лица он кутался в потертую кожаную куртку с меховым воротником. Судя по тому, как он то открывал, то закрывал рот, вставить больше одного слова в разговор ему не давали.

Рядом с ним стоял директор, давший Асин второе имя, – седой, спокойный мужчина с тяжелыми веками и кустистыми бровями. По левую руку от него она углядела Орвэ, главу разведки, с которым лично сталкивалась лишь два раза, и оба – ради крайне важных бумажек. Обычно он говорил

мало, по делу и быстро уставал от бесед. Теперь же он, хмурясь, доносил какую-то важную мысль своим громовым голосом, но обрывки фраз, долетавшие до ушей Асин, звучали непонятно. Вид у него был строгий, спина прямая – будто он проглотил палку.

– Зачем нас сюда позвали? – шепнула Асин, поднявшись на носки, чтобы Вальдекриз точно услышал ее.

– А ты вон на того посмотри, – он указал подбородком вперед.

– На Атто? – Она прищурилась и даже потянула указательным пальцем за уголок глаза.

– Слева от него.

Стоило Асин выйти чуть вперед, как Вальдекриз, опустившись, подхватил ее под колени и поднял над землей. Взвизгнув, она прикрыла рот руками и густо покраснела. Если раньше никто не обращал на нее внимания, то теперь ее заметили все. В том числе и человек, на которого указывал Вальдекриз.

Он был черным пятном среди белого, кремового, голубого и зеленого; его будто неаккуратно вырезали. То ли мужчина, то ли юноша стоял, расправив плечи, которые подчеркивал длинный, перетянутый широким кожаным ремнем плащ. Обветренное лицо под фуражкой выглядело невероятно бледным, и на нем двумя яркими самоцветами выделялись глаза – зеленые, как серьги Вальдекриза. Мужчина-юноша улыбнулся, заметив раскрасневшуюся Асин, и это

была улыбка человека потерянного. И тогда она сделала то, о чем в следующую же секунду пожалела. Она помахала.

– А ты умеешь удивлять, булка, – хохотнул Вальдекриз, ставя ее обратно на холодные камни.

– Кто это? – спросила Асин, трогая горящие щеки и глупо улыбаясь: так неловко она не чувствовала себя, кажется, никогда.

– Это причина, по которой ты не позавтракала, а я не нашел нормальные штаны, – ответил Вальдекриз и почесал за ухом. – А зовут это недоразумение...

– Позвольте представить вам, – резко оборвал его рычащий голос Орвэ.

Вальдекризу ничего не оставалось, кроме как низко поклониться. Конечно же, его движение не осталось незамеченным. Взгляд стальных глаз Орвэ придавил Вальдекриза, подобно конечности механического стража. Но ровно так же не оставил на нем и следа.

– Капитан Альвар! – наконец объявил Орвэ и пропустил вперед черного человека.

Поправив фуражку на коротких темных волосах, тот вновь улыбнулся – теперь всем – и заговорил. Голос его тек кровью и медом, обволакивал. Асин слышала его, но при этом совершенно не понимала. Только щеки пылали, а взгляд беспорядочно бегал, то упираясь в начищенные до блеска чеканные пуговицы капитана, то улетаая далеко в синее, тронутое белизной облаков небо.

– Что он сказал? – борясь с давящим чувством неловкости, поинтересовалась Асин.

– Уж не влюбилась ли наша маленькая бу-улка? – протянул Вальдекриз и ущипнул ее за щеку.

– Вот и не влюбилась! – возмутилась она. – Просто волнуясь.

– Я бы на твоём месте тоже волновался. Так опозориться, – он усмехнулся. – В общем, чьи имена сейчас назовут, те расходятся по домам. Отлеживать бока, гренки с маслом есть.

– И штаны искать, – фыркнула Асин, за что получила легкий щелчок по перевязанному плечу.

Она зевнула, зажмурившись и плотно сжав губы, и уже мысленно вернулась домой – к завтраку, папе, легкой шали и завернутой в тряпку птице. Голос Орвэ подбрасывал в воздух знакомые и незнакомые имена, и люди, поклонившись и отсалютовав, исчезали за тяжелыми приоткрытыми воротами. Заспанных лиц было все меньше, как и пляшущих по камням теней, пока на затоптанной площади не осталось семь человек. Асин удивленно озиралась, продолжая ждать, когда же Орвэ назовет ее имя, но он лишь прокашлялся и дал слово капитану Альвару, который до этого момента стоял сложив руки за спиной и вежливо кивая уходящим.

– Догадываешься, почему мы по-прежнему здесь? – склонившись к ее уху, спросил Вальдекриз. Голос капитана Альвара вновь разлился и растворился в воздухе, в криках птиц,

человеческом смехе, топоте ботинок по мостовой и слишком громких мыслях.

– Нет, – тихо ответила Асин. Как же она боялась вновь попасть в неловкое положение, как терялась под взглядами сразу нескольких взрослых – казалось, они уставились прямо на нее.

– Ему нужны лучшие, незанятые и недорогие, – Вальдекриз показал три пальца. – А это, как знаешь, редкое сочетание. – И если эти, – он кивнул на компанию неподалеку, которая тоже не слушала и, судя по довольным лицам, уже делила несуществующую прибыль, – согласились сами, то нас порекомендовал...

Он красноречиво взглянул на стоявшего в тени слишком заметных людей и шумных деревьев Атто. Тот смотрел сквозь собравшихся, сквозь стены, туда, где разливался бесконечной синевой океан, вдыхал его запах, и крылья носа его трепетали, а на губах то появлялся, то исчезал призрак улыбки.

– То ли и правда считает нас достойными, то ли я слишком уж сильно задел его, – пробормотал Вальдекриз и невинно развел руками. Зазвенели браслеты, задрожали камни, заплясал на гладкой поверхности бусин свет, делая их еще больше похожими на кровь.

– Я надеюсь на вашу поддержку. – Капитан Альвар закончил свою речь, прищелкнул каблуками высоких сапог и, лихо поправив фуражку, спустился со ступеней.

Вместе с ним вниз сошли Орвэ и Атто. Последний, впрочем, явно считал себя лишним, а может, он считал лишними их. Он отставал на шаг и тяжелым, пусть и важным беседам предпочитал оживленный шум улиц. Рынок говорил человеческими голосами и играл струнами – в едва слышной мелодии легко узнавалась песня о двух крыльях, которых было ничтожно мало и запредельно много для двух людей.

А ведь совсем недавно, если верить словам папы, уличных музыкантов гнали взащей. Им отбивали ребра дубинками, а инструменты топтали. Ведь пока честной народ трудится на благо островов, они прохлаждаются и сочиняют бездарные мелодии, которыми не прокормишь, не спасешь. Теперь же стоит любому дурачку с дудочкой выйти на площадь и заиграть, как уставшие люди оживают, а работа начинает спориться.

– Я не услышала ни слова, – Асин уронила руки вдоль тела и страдальчески запрокинула голову.

– Ему просто нужны люди. Только и всего. Спуститься на один из островов рядом с Железным Городом, – попытался пояснить Вальдекриз, но понятнее не стало.

– Железным Городом? – она округлила глаза, и в носу отчего-то зачесалось.

– Иногда мне кажется, что я с телегой разговариваю, – вздохнул Вальдекриз. – Послушай, давай я угощу тебя чем-нибудь и отвечу на все вопросы. Заодно подумаешь, нужно ли тебе все это. Ты еще можешь отказаться, булка.

– На самом деле отказаться или... ну, – Асин сложила ладони вместе и подняла плечи, – как тогда?

– На самом деле отказаться, – усмехнулся он. – Но мне нравится, что ты все так быстро схватываешь. – Он легонько хлопнул ее между лопаток, подталкивая к воротам, за которыми расцветала жизнь.

Рынок дышал. Он перетекал людьми в белом, коричневом и бежевом, шуршал зеленой листвой и такими же зелеными юбками, плясал вышитыми узорами и шептался на разные голоса, поскольку своего у него не было. Он подхватывал и уносил, подобно течению, растворял в себе и мягко окутывал запахами выложенной на прилавки еды. Совсем рядом под острым взмахом ножа распадался на половины алый плод, шкурка его трещала, и наружу, на перепачканную соком ткань сыпались крупные блестящие семена, похожие на камни на браслетах Вальдекриза. А неподалеку торговка разламывала руками свежий, только что испеченный хлеб, показывая его ароматную горячую мякоть. Желудок Асин урчал, даже легкие поглаживания не успокаивали его.

Все вокруг было светлым, обласканным солнцем – именно поэтому в толпе, среди собравшихся у прилавков покупателей и зевак, так выделялся он. Капитан Альвар. Мужчина в черном, с задумчивым, непривычно потерянным лицом, глазами цвета какого-то яркого драгоценного камня – может, жадеита? – и слишком аккуратными для ее родного острова усами и бородкой. Асин, заметив его одежду, фураж-

ку и блуждающий взгляд, остановилась, но толпа тут же подхватила ее и унесла. Она успела лишь поднять руку, чтобы так же глупо помахать чужому для Первого человеку: быть может, ему станет хоть чуточку легче?

Из потока Асин выловила унизанная браслетами рука – схватила за ворот жилетки и утянула в сторону, где было спокойнее и тише, где можно было спокойно усестыся на подпорную стенку у огромной каменной вазы, над которой возвышался пышный зеленый шар кустарника. Вальдекриз для верности встряхнул Асин, повертел, как тряпичную куклу, и отпустил. Пока она устраивалась поудобнее и расшнуровывала старые широкие ботинки, он отошел к одному из прилавков и, лучезарно улыбнувшись, попросил что-то у полной живой девчушки, бодро выполнявшей несколько дел одновременно.

Асин забралась на стенку с ногами и поставила ботинки рядом. Те недовольно щелкнули отошедшими подошвами и сложились гармонью. Их бы подбить, обменять или выбросить. Но Асин всякий раз откладывала это, а затем мысленно ругала себя, слыша, как они шлепают при ходьбе.

– Держи. – Вальдекриз устроился рядом, чуть не сев на ее босую ступню, спихнул ботинки на редкую траву, прямиком в еще сырую землю, и протянул Асин свернутую конусом лепешку, из которой торчал белый румяный бок. – Жареный сыр. Холодный, конечно, но вкусный.

– Спасибо. – Асин провела пальцами по коричневым

полосам, которые украшали пахнущее дымом угощение, и улыбнулась. – Скажи, а откуда ты узнал... про все? – Она подняла на Вальдекриза глаза. – Ты же совсем не слушал его.

Ветер трепал ее платье, отчего кружево напоминало пенных барашков, которые то подлетают на волне, то опускаются на ровную гладь и расплываются в стороны. Вальдекриз коснулся холодным пальцем лодыжки Асин, выглянувшей из-под светлой мягкой ткани, провел снизу вверх, к колену, после чего вернулся к сыру и отщипнул от него кусочек. Вздрогнув, Асин подтянула ноги ближе к себе и обхватила их рукой.

– Я столкнулся с Альваром, когда он только прибыл. – Вальдекриз указал надкушенной лепешкой в сторону пристани, где высились, пытаясь пронзить небо, мачты. Асин всегда казалось, что державшие их оттяжки похожи на паутину, которую сплел огромный паук. – Вон, видишь, его корабль стоит. «Небокрушитель». Капитаны Железного Города любят давать судам громкие бессмысленные названия.

– А мне нравится, – сказала Асин и впилась зубами в сыр. Она была такой голодной, что на вежливость не оставалось никаких сил.

Вальдекриз лишь тихо посмеивался и неспешно ел, отламывая небольшие куски и закидывая их в рот. Он болтал одной ногой в воздухе, то и дело врезаясь пяткой в камен-

ную стену. С подошвы вниз сыпались комья засохшей грязи, Асин слышала, как они отскакивают от дорожки.

– И все-таки расскажи мне про этот Железный Город. Почему капитану Альвару вдруг нужны... мы? – Асин прижала костяшки пальцев, усыпанных мукой, к груди и тут же, ахнув, принялась облизывать их.

– Ох, булка-булка, тебе надо быть внимательнее и ответственнее. Слушать, когда говорят...

– Но ты... – хотела возмутиться Асин, ведь это он, он начал шептать ей на ухо, не давая сосредоточиться на речи Альвара.

– И перестать все валить на меня. Не проверять снаряжение – твой выбор, отвлекаться – твой выбор, – тяжело вздохнул он, сминая пальцами лепешку и делая ее края похожими на волнистые лепестки цветов.

Все мысли, до этого собранные и разложенные по невидимым полкам, разом рухнули и разлетелись на осколки, оставив вместо себя давящее чувство стыда. Асин хотела вскочить и уйти или хотя бы отвернуться, но тело не слушалось, оно точно обратилось в камень – и любой удар мог разрушить его. А бить точно Вальдекриз умел.

– Хочешь еще сыра? – внезапно спросил он, и Асин окончательно растерялась.

– Нет, – пробормотала она и часто заморгала, пытаясь смахнуть подступившие к глазам слезы.

– Тогда слушай. – Вальдекриз поставил локоть на ее ко-

лени и по-быстрому закинул в рот остатки еды. – Островов-братьев куда больше, чем два. Но по какой-то странной причине жители Первого и Второго не замечают остальные. Они – будто и не острова вовсе, так, оборонительные сооружения.

– Я знаю. – Асин нахмурилась. – Их пятеро, пятеро братьев. Но дальше Второго я не бывала.

– Так вот, самый дальний из братьев, – он поднял руку над головой, словно отмерял расстояние от Первого, – Третий, Железный Город. Весь он – как живой механический организм, дышащий паром и скрежещущий металлом.

– Как страж Мирры? – Асин попыталась улыбнуться.

– И да и нет. Сама увидишь, если захочешь. Его сложно описать. А то, что нужно знать тебе, не так сказочно и не так интересно. Железный Город развит. Там есть все, чего нет у нас. Руда, технологии. Оружие. – Он наставил на Асин два пальца, взвел воображаемый курок и – бам! – выстрелил прямо в сердце. – Одного у них нет – крыльев. Именно поэтому Альвар обратился за помощью ко Второму, а затем и к Первому. Ему нужны люди, чтобы спуститься на один из островов, осмотреть развалины заброшенного храма. Его интересуют аномалии.

Как ни пыталась, Асин не могла представить себе Третий. В мире, где парят острова и киты, огромное механическое существо, несущее на своей железной спине множество людей и щетинящееся оружием, пугало ее. Асин тщательно со-

бирала образ острова из кусочков стража, маленькой птички, сигнальных пистолетов и ранцев – и вновь он растворялся, оставляя после себя лишь медленно исчезающее облачко дыма. Конечно же, папа рассказывал про Третий, но ни разу не называл тот Железным. Впрочем, он и летать-то туда перестал очень давно.

– А зачем ему аномалии? – спросила она, пытаясь очень осторожно спихнуть со своего колена руку Вальдекриза.

– Изучить, понять природу и использовать в своих целях. Они так делают со всем – разбирают. А если аномалию не получится разобрать, ее нужно будет уничтожить.

– Аномалию можно уничтожить? – удивилась Асин.

– Уничтожить можно все, Ханна. Есть такая древняя мудрость: когда боги ступят на эту землю, они станут смертными. Она как раз об этом. Все существующее может умереть. Или быть убито.

Обычно аномалии не трогали, в лучшем случае обносили невысокой изгородью, а рядом ставили предупреждающую табличку, часто довольно косую – кому хотелось трудиться ради непонятого явления? С годами дерево рассыхалось, надпись на дощечке стиралась, а сама она падала на землю. Оставался лишь неровно вбитый колышек, по которому все равно читалось: «Здесь опасно». На севере Первого таких было с десятков, вот только заборов никто не ставил. Местные просто не ходили туда и пугали своих любопытных детей. Так выросло новое поколение, для которого порос-

ший травой и густыми деревьями край острова превращался в страшную черную неизвестность.

– Слушай, Вальдекриз, – Асин потянулась к ботинкам, – а это, – она хотела сказать «опасно», но почему-то с губ слетело совершенно другое слово, – надолго?

До этого полеты занимали не более дня. К вечеру она уже возвращалась домой, где ужинала с папой, рассказывала с набитым ртом о своих приключениях и, уставшая и довольная, отправлялась спать.

– Несколько дней. При условии, что бумаги подготовят сегодня, – скучающим тоном ответил Вальдекриз, и его пристальный взгляд вонзился Асин в переносицу, отчего ее голова запульсировала. – Так что решайся быстрее. Если хочешь, напиши отказ, хотя я не советовал бы. Ты на хорошем счету, Ханна, раз сам старый демон рекомендовал тебя. Но если будешь так отмахиваться от работы, тебя перестанут замечать. Уж лучше деятельный новичок, чем ничего не делающий специалист.

– Я должна поговорить с папой, – пробормотала она.

Вальдекриз протяжно выдохнул, уронил лицо в ладони и принялся усиленно его тереть.

– Когда же ты научишься решать сама, Ханна? Кочевник не всегда будет стоять за твоей спиной.

Тогда она все же не выдержала: вскочила – и побежала прочь. Разрезая толпу своим маленьким телом, она неслась быстро, и слезы не поспевали за ней. Касаясь взглядом лю-

дей, она искала Атто, доброго Атто, у которого всегда был для нее совет. И еще ягоды, щекочущие нос своим сладким запахом. Но Асин не нашла никого, а потому отправилась, шаркая по занесенной неизвестно откуда взявшимся песком мостовой, в давящий кабинет с обитыми деревом высокими стенами, чтобы оставить свою дрожащую подпись. И пускай у Асин был выбор, тот момент казался ей безвыходным.

Она не заглянула на склад, не проверила снаряжение. По правде говоря, ей было плевать на снаряжение, на покачивающийся в воздухе корабль, похожий на своего капитана, и на запах сладостей, смешавшийся со свежестью океана. Ведь Асин бежала домой. Шлепали подошвами ботинки, хлопало на ветру платье, скрипела кожаная жилетка. Стоило только переступить порог, как Асин рухнула в руки папы, и слезы тотчас нагнали ее. Она плакала, размазывая их ладонями, она запиналась, пытаясь собрать буквы в предложении, она сжимала зубы, но те все равно стучали. Лишь когда дыхание чуточку выровнялось, она смогла сосредоточиться и внятно – так, по крайней мере, ей казалось – изложить мысли. И папа улыбнулся.

– Ты ничего не увидишь, если не будешь выходить из дома, – он вложил в голову Асин мамины мысли и запустил пальцы в ее густые волосы.

И, сидя на холодном деревянном полу у пыльного порожка, Асин подумала: а хочет ли она действительно что-то увидеть?

К вечеру следующего дня все было готово. Заходящее солнце окрасило небо в оранжевый, а облака над океаном потемнели, загустели и обратились в черничное варенье. На пристани около черной громады «Небокрушителя» толпились люди. Не только разведчики – их Асин узнала по тяжелым ранцам, лежавшим у ног, – но и просто желающие посмотреть, как корабль расправит паруса и те, став из белых алыми, наполнятся ветром. На борту, сжимая фуражку под мышкой и вытирая тыльной стороной ладони влажный от пота лоб, стоял капитан Альвар. Он смотрел вдаль, прищурившись, и улыбался каким-то своим мыслям.

На пристани Асин уже ждали. Стоило подойти, как Вальдекриз тут же кинул ей в руки тяжеленный ранец, под весом которого она чуть не свалилась, но ее вовремя подхватили. Покрытые шрамами ладони с длинными узловатыми пальцами сцепились у нее на животе и придерживали, пока она не встала на ноги и не обернулась – поблагодарить спасителя. На щеках Асин наверняка расцвел румянец, но неловкость растворилась в холодном вечернем воздухе, стоило ей увидеть небритое лицо Атто.

– Вы тоже летите с нами? – обрадовалась она.

– Да, Асин, – Атто медленно кивнул, прикрыв глаза – серо-синие, как беспокойная вода. – Решил поразмять кости. Засиделся я на одном месте. Совсем старый стал.

– Тебе это не поможет, дедуля, – усмехнулся Вальдекриз,

но ответом его не удостоили.

Атто достал из кармана потрепанной кожанки самокрутку и, проведя ею под носом, шумно вдохнул. Под пальцами сминалась тонкая папиросная бумага, хрустел и сыпался на сапоги сухой коричневый табак. Протяжно выдохнув, Атто сунул папиросу в щель, где когда-то был зуб, выудил трутницу и прикурил. Воздух наполнился густым едким дымом – он тянулся из уголков губ Атто, изгибался ломаными линиями и летел вверх. Закашлявшись, Асин отмахнулась и поморщилась: курящие люди как на Первом, так и на Втором были редкостью. Атто предупредительно повернулся боком, но игривый ветер тут же скомкал дым и большим клочком мятой бумаги швырнул Асин в лицо.

– Крылья твои проверил, – Вальдекриз хлопнул по ранцу. Зазвенели пряжки, глухо загредело что-то внутри. – Если тебе это, конечно, интересно. А то, судя по тому, как быстро ты унеслась от меня утром – и даже не попрощалась, маленькая ты булка, – у тебя нарисовались какие-то срочные и крайне важные хлебные дела.

Услышав его слова, Атто медленно повернулся. Одна из его бровей – не рассеченная надвое стражем – поползла вверх в немом вопросе. Асин крепче прижала к себе ранец и постаралась спрятаться за ним: и без того понимала, насколько она маленькая и несамостоятельная в глазах бывшего наставника. Но поучений о том, что следует самой заботиться об оборудовании, она не услышала, равно как и

неодобрительного цоканья языком.

– И когда это ты стал таким заботливым? – Атто усмехнулся и выпустил из уголка губ тонкую струйку дыма. – Знаю тебя. Ты ничего просто так не делаешь. Обидишь ее, – он кивнул на Асин, – я тебе голову сапогом в плечи вобью.

– Я тебя услышал, – медленно произнес Вальдекриз, и Асин сделала шаг назад: вдруг между ними что-то вспыхнет, взорвется и заденет ее? Так почему-то частенько случается: ссорятся двое, а плохо становится третьему.

Когда прозвучало долгожданное «Все на борт!», слившиеся для Асин в одно слово, она предпочла остаться позади, прячась за широкими спинами и чужими крыльями – чтобы только ее не заметили и не попытались уколоть. Вальдекриз мог сделать это специально, Атто – случайно. Поэтому, сбросив с плеч груз в виде ранца и собранной папой тяжелой матерчатой сумки, Асин отошла от людей, положила руки на фальшборт и опустила на них голову.

Причал уплывал все дальше и дальше, а белые паруса наполняла и подкрашивала угрюмая рыжина закатного неба. Ветер раздвигал тяжелые облака и подталкивал «Небокрушитель», который плавно, почти не качаясь, шел по воздуху. И когда ворот рубашки, дернувшись, защекотал накрахмаленными краями щеки Асин, а волосы ее взвились пшеничными лентами, тревога прыгнула с груди толстой неуклюжей кошкой и уступила место приятному волнению. Внутри бурлил, медленно поднимаясь из самых глубин, восторг.

Асин запустила пальцы в волосы, вдохнула полной грудью и повернулась спиной к темнеющему океану. Ночь опустилась слишком быстро – стерла границу между водой и небом, выключила все цвета, оставив лишь синий и черный, и повесила высоко-высоко луну – белый размытый полукруг, выглядывающий из-за облаков. На палубе зажигались огоньки – маленькие желтые солнца, в свете которых плясали вытянутые человеческие тени, нечеткие и изгибающиеся. «Небокрушитель» ожил, как оживает ранним утром Рынок.

Масляные лампы мерно покачивались. Бушприт пронзал темноту ночи, а три мачты, великанами возвышавшиеся над головой Асин, временами скрипели, словно потревоженные деревья.

– Погода благоволит нам, – раздался неподалеку голос капитана Альвара.

Тяжелые кованые сапоги гремели о деревянный настил, когда он, чеканя шаг, обходил судно. Приказы взлетали в воздух пушечными выстрелами, команда работала, точно слаженный механизм. Лицо капитана Альвара преобразилось, перестало казаться таким чужим и потерянном. Он подставлял его попутному ветру, дышал полной грудью и улыбался уголком губ. Будто «Небокрушитель» был его продолжением. Как крылья Вальдекриза. И, пусть не все – Асин видела сжатые губы, слышала недовольные голоса – хотели видеть капитаном Альвара, его слушались.

Знакомые Асин будто растворились. Она не заметила

на палубе ни вечно живого, даже чересчур, Вальдекриза, ни уставшего Атто, ни даже ту троицу из училища, неделимую, дружную и оттого самую малость раздражающую. Был лишь «Небокрушитель», его команда и она. Среди волнующегося океана и редких островов.

Асин присела, чтобы, прижавшись виском к одной из вытянутых дубовых бочек, обхватить руками ноги и вздремнуть под мирное покачивание корабля. В этот момент Альвар вдруг повернулся и, подняв ладонь на уровень груди, помахал ей. Так же неловко, как накануне махала ему сама Асин. Она рассмеялась, а глаза защищало от внезапно подступивших слез. Она, задыхаясь, фыркала в колени, временами поднимая лицо, чтобы выхватить из темноты фигуру капитана. Он больше не оборачивался, а затем и вовсе исчез. Асин зажмурилась, сунула ладонь под ухо и долго сидела так, тяжело дыша и шмыгая носом. Наконец она провалилась в неглубокий сон, за которым временами слышались разговоры и хлопанье парусов.

– Эй, – дрему прервал, разогнав, как утреннюю дымку, Вальдекриз. Он навис над Асин и, положив ладонь ей на плечо, для верности встряхнул. – Булка, вставай. Додумалась тоже, спать на палубе. Вообще-то тебя там кровать ждала. Очень удобная. Я стащил у тебя подушку – она все равно тебе не нужна. Кстати, я там у тебя гренки в сумке нашел.

Удивительно, что никто не разбудил ее и не попытался отвести в каюту. Асин просто не заметили. Но так, навер-

ное, было даже лучше. По крайней мере, люди не наблюдали за тем, как спит, вытянув одну ногу и подобрав под себя другую, странная девочка в мятой рубашке.

При попытке подняться Асин неуклюже проехала на попе вперед и распласталась на палубе. Затекишие ноги отказывались слушаться и просто царапали каблуками дерево. Волосы спутанными клоками падали на лицо. Перебинтованное плечо ныло, осуждая Асин за столь неудачное положение для сна. Вальдекриз усмехнулся, схватил ее за запястья и потянул на себя. Асин недовольно замычала.

– Ты что, их съел? – проворчала она, пытаясь для начала понять, где верх, а где низ.

– Да нет, меня дедуля прогнал. Сказал, что оторвет мне что-то. И засунет куда-то, – сказал Вальдекриз. Он намеренно растягивал слова, пытаясь передразнить Агто.

Поначалу Асин казалось, что она не до конца проснулась. Все вокруг было подернуто дымкой, предметы утопали в грязных клубках, расплзающихся по палубе. Люди выплывали из смога размытыми фигурами и точно так же пропадали из вида. Асин потерла глаза кулаками, наспех убрала волосы назад и подняла голову. Рассветное небо заполнила черная, похожая на тучи муть. Сквозь нее пробивались рассеянные лучи солнца. Они едва касались мачт и сложенных парусов, которые в безветрии висели тряпками.

– Где мы? – Асин зевнула в ладонь и сжалась, пытаясь спрятаться от уже забравшегося под легкую рубашку утрен-

него холода.

– Это Железный Город, Асин, – ответила ей дымная завеса, из которой медленно, гордо вышел Атто с самокруткой в зубах.

Он снял тяжелую куртку и набросил на плечи Асин. Короткий мягкий мех пах табаком и потом. Асин вцепилась в воротник, сжалась сильнее, чтобы утонуть в тепле чужого тела, оставшемся на одежде. Она не поблагодарила – лишь опустила голову, и Атто криво улыбнулся ей, показав пару недостающих зубов.

– Нас уже ждут, – сказал он, легонько потрепав смущенную Асин по волосам. – Я прихватил твою сумку, чтобы этот в ней не шарился.

– Я проверяю ее оборудование, – фыркнул Вальдекриз, – и заслужил хотя бы небольшую благодарность.

– Скажешь ему спасибо, – Атто обратился к Асин. – Ему хватит. А ты, – он перевел взгляд на Вальдекриза, – хватай ее ранец и тащи с корабля.

– Но... – видимо, он в очередной раз собирался сказать о несамостоятельности Асин, но, не желая растягивать и без того ненужный разговор, просто сунул большие пальцы за кожаный ремень и шагнул в дым.

– Иди. – В отличие от Вальдекриза, Атто не подталкивал в спину, он смотрел в сторону трапа и терпеливо ждал. – Ты не должна спускаться последней. Это простительно мне или ему. Но не тебе. Думаю, сама понимаешь.

– Это начало моего пути, – вздохнула Асин и часто закивала. – И если я не покажу себя с лучшей стороны, меня перестанут замечать.

– Правильно, девочка, – ответил Атто, глядя на нее с высоты своего немалого роста. – А теперь иди. И это, – он дернул плечом, и жест вкупе с бегающим взглядом показался Асин несколько нервным, – придерживай челюсть. Все-таки ты здесь впервые.

Поначалу его странные слова не вызвали у Асин ничего, кроме невнятной улыбки. Но стоило только ступить на трап, как рот приоткрылся сам собой.

Железный Город был обнесен высокой стеной. За ней, точно деревья, тянулись в небо сужающиеся кверху трубы. Из них валил густой черный дым, за которым слабо дрожало утреннее солнце. А над воротами, массивными железными великанами, образующими арку, на тяжелых цепях висела табличка с одним лишь незнакомым словом, рубленным, но длинным. Оно состояло из известных Асин букв, но почему-то отказывалось складываться во что-то хоть мало-мальски понятное. Наверняка это было название города, зачем-то написанное на одном из давно умерших языков.

Она сошла на широкие каменные плиты, и земля под ногами задрожала. Где-то близко, прямо за стеной, загромыхало, зашумело, засвистело, и в воздух взметнулись клубы темно-серого дыма. Асин так и стояла бы, задрав голову, если бы ее не толкнул плечом Вальдекриз, тащивший два ран-

ца сразу.

– Что это? – она, не стесняясь, указала на серые, будто взбитые клочья.

– Паровоз, – выдохнул Вальдекриз и сунул ей в руки ранец, явно не собираясь нести его дальше.

– Правда? – Асин перевела взгляд с него на стену, а после – под ноги, где все еще вибрировали плиты. – Настоящий паровоз? – Она не заметила, как взволнованный голос ее стал походить на мышинный писк, но, увидев застывшую на лице Вальдекриза ухмылку, замолчала и прикрыла рот ладонью.

– Правда, Ханна. Скоро сама все увидишь.

Только сейчас она заметила собравшихся у ворот людей. Их было много, настолько, что поначалу Асин даже растерялась. И все они сливались в сплошное черное пятно, хищное и хмурое, на фоне которого выпускники Первого Училища смотрелись странно и совершенно несерьезно, как уличные артисты. Засунув руки в рукава куртки и поудобнее подхватив ранец, а затем и вовсе закинув его на спину, Асин приблизилась, следом за остальными поклонилась и назвала свое второе имя. В ответ – сухие кивки и такие же сухие взгляды. Только капитан Альвар – знакомое лицо среди незнакомых – выглядел приветливо, точно был чужим и для Железного Города тоже.

Когда все собрались в безмолвную черно-белую массу, один из незнакомцев заговорил. Он был высоким, а острый взгляд и кривой нос придавали ему сходство с хищной пти-

цей. Лицо его изрезало морщинами время, в коротких темных волосах проглядывали белые перья седины. Мужчина держал в руках фуражку, а одежду его, такую же как у Альвара, украшало множество нашивок. Наверняка их можно было прочесть. Жаль только, Асин не умела.

– Мое имя – Кайр, *генерал* Кайр, – сказал он, и Асин резко почувствовала себя какой-то маленькой и незначительной, с одинокой нашивкой на жилетке и совсем без званий. – Я благодарен за то, что вы откликнулись на наш зов, и рад приветствовать вас в Железном Городе.

Видимо, не одна она не знала, как правильно реагировать на столь сухое приветствие. Разведчики, совсем еще молодые, переглядывались, кивали, но молчали. Асин всматривалась в генерала Кайра, который все больше напоминал ей хищную птицу. В какой-то момент ей даже показалось, будто его тень, и без того густая, черная, точно нарисованная, оживает, поглощая то, чего касается. Мелкие камешки, стыки между плитами. И стоявшего чуть позади капитана Альвара.

– Кайр! – послышался голос Атто. Он вышел чуть вперед, чудом не задев никого острыми локтями, и резко вскинул над головой руку, чтобы его точно заметили. – Я слишком стар для долгих приветствий. Так что лучше расскажи, когда вылетаем, и покажи, где можно остановиться. И выпить, – добавил он, усмехнувшись.

– Старый демон? Неужели глаза не обманывают меня? –

На лице генерала Кайра возникло некое подобие кривой улыбки. Впрочем, железный, под стать городу тон никак не изменился. – Мы думали, ты погиб.

– Так и есть. Но воскрес, как видишь, – ответил Атто. Каждая фраза давалась ему с большим трудом. Порой он замолкал, напрягался, сжимал челюсти, а затем выплевывал окончание предложения, не всегда договаривая слова. – Эти двое со мной. Ханна, Вальдекриз, – он обернулся и жестом подозвал их ближе.

– Его я помню. – Генерал Кайр прищурился, и взгляд его уперся в Асин.

Она вздрогнула, руки дернулись. Асин будто стояла перед ним абсолютно голая, и единственное, чего ей хотелось, – съежиться и прикрыться.

– А она?

– Недавно выпустилась. Способная девочка, толковая. – Атто опустил ладонь ей на плечо и ободряюще похлопал. – Благодаря Ханне в наших руках оказался контрольный образец старика Хайта. *Единственный* до сих пор работающий образец.

По коже пробежали мурашки, и Асин беспомощно посмотрела на Вальдекриза, надеясь на поддержку. Ведь в том, что страж оказался в руках умельцев, не уничтожающих, но меняющих его, не было ее заслуги. Она лишь опрометчиво бросилась к маленькой девочке, надеясь достучаться до ее сердца. По ехидно растянувшимся губам Вальдекриза Асин

прочитала: «Не благодари». В висках запульсировало.

– Неплохо, – коротко ответил генерал Кайр и склонил голову, выказывая Асин уважение.

Стоявший по правую руку от него Альвар удивленно вскинул брови. Прежде молчавший народ начал перешептываться, будто своим жестом Кайр дал им право голоса. Асин вся обратилась в слух, напряглась. Но говорили люди отнюдь не о ней.

– Ты выглядишь так, будто вот-вот упадешь, – прошептал Атто, повернувшись к ней.

– Но... вы же знаете... я... – пробормотала она, дергая за свисавшие с лямок ранца кожаные хвостики.

– Кажется, ты хотела показать себя с лучшей стороны. Сейчас они, – он кивнул на генерала Кайра, представлявшего всех жителей Железного Города, – рады видеть преданного своему делу человека. – Он выругался сквозь зубы и строго посмотрел исподлобья. – Мне тяжело говорить, Асин.

– Простите. – Она сжала кулаки и зажмурилась, боясь вновь встретиться с прямым жестким взглядом Кайра.

– Держись меня, – посоветовал Вальдекриз. – Сперва поработаешь на имя, а потом имя начнет работать на тебя. Вон, посмотри на дедулю. Его до сих пор знают и помнят, хотя...

Но его речь, как и прочие разговоры, жестом оборвал генерал Кайр.

– Нам нужны люди умелые, готовые постараться ради общего блага. Как вы знаете, Железный Город славится метал-

лами, мы несем в новый мир прогресс. Но одни мы не справимся. Нам нужна разведка, и мы надеемся на помощь острова-брата и его крылатых солдат.

Генерал Кайр обвел взглядом присутствующих и, убедившись, что люди внимательно его слушают, продолжил:

– Старик Хайт, о котором говорил гость с Первого, крылатый демон Нинген, – не только мастер из легенд, но и ученый Железного Города.

– Сошедший с ума и укравший образец сам у себя, – тихонько сказал Вальдекриз, и Асин еле слышно фыркнула в кулак.

– Он пытался подарить жизнь мертвым островам вокруг. Но, к сожалению, – кажется, Кайр заметил, как Вальдекриз прижимает указательный палец к виску, показывая, как сильно рехнулся старый ученый, и откашлялся, призывая к порядку, – он не завершил начатое. Сейчас мы окружены полупустыми клочками суши, лишь слабо напоминающими о былых временах.

Он перевел взгляд на капитана Альвара и кивнул. Тот с поклоном вышел из тени вперед, поправив козырек фуражки, на котором поигрывал тусклый свет солнца. Лишь сейчас Асин уловила, как эти двое похожи – жесткими волосами, густыми бровями и длинными узловатыми пальцами. Разве что генерал Кайр совсем не умел улыбаться.

– Не так давно мы заметили жизнь на одном из дальних островов. Когда-то там стоял храм, теперь – лишь руины.

Быть может, нам просто показалось. Так или иначе, там могло сохраниться что-то полезное. Именно поэтому мы и собрали здесь, – он улыбнулся, необыкновенно тепло для этого мрачного, давящего места, – вас. Мы хотим исследовать остров, собрать полезную информацию и, быть может, спасти людей, если там действительно кто-то остался.

Вальдекриз склонился к Асин за спиной Атто и, понизив голос до шепота, сказал:

– Им нужны аномалии. Какие люди могут быть на отрезанном от остальных острове с полуразрушенным храмом?

– Верующие? – предположила она, за что тут же получила легкий тычок в больное плечо.

– К тому же наши ученые предполагают, что дальний остров может кишеть аномалиями, – добавил капитан Альвар. Вальдекриз пожал плечами и закатил глаза: об этом он и говорил. – Мы бы хотели понять, что они собой представляют. И никто, кроме вас, не сможет нам помочь.

– И что вы собираетесь с ними сделать? – поинтересовался Атто, вновь вскинув ладонь.

– Мы хотим лучше понять их природу. Сколько мы существуем рядом с ними, пытаемся их классифицировать, но все равно не знаем о них практически ничего. Не понимаем, можно ли использовать их во благо. Как источники света или энергии. Мы могли бы шагнуть вперед, – спокойно ответил Альвар. – А если вдруг они окажутся опасными, их – и место, их питающее, – следует уничтожить.

– Любая аномалия опасна, – усмехнулся Атто и тихо, так, что это услышали только Асин и Вальдекриз, процедил сквозь зубы: – Мальчик.

– Мы надеемся на ваше содействие, – завершил речь Альвар.

Его место снова занял генерал Кайр, который до того внимал словам пышнотелой женщины, туго затянутой в корсет. Она размахивала пухлыми руками, закатывала глаза и чем быстрее говорила, тем тяжелее дышала и тем сильнее краснели ее мягкие щеки.

– Это госпожа Тете, – представил ее генерал Кайр. – Хозяйка гостиницы, любезно согласившаяся предоставить вам комнаты. К сожалению, – он отвлекся, когда она снова принялась жестикулировать, на сей раз просто открывая и закрывая рот, – комнат всего четыре. – Асин с ужасом огляделась: с Первого прилетело семь человек, включая Атто. – Надеюсь, это не доставит проблем. Госпожа Тете поможет вам разместиться и покажет город. Или, если пожелаете, вы сможете прогуляться по нему сами.

– Дайте им отдохнуть с дороги, – оборвала его речь госпожа Тете, и ее высокий, чуть дрожащий голос взвился еще сильнее.

– У вас есть пара часов, – спокойно продолжил он. – По всем вопросам обращайтесь к госпоже Тете. Или к капитану Альвару, – он указал рукой направо.

Вновь народ зашумел, зашептался, а женщина суетливо

принялась собирать вокруг себя приезжих, объясняя, что им не стоит волноваться, ведь она знает здесь каждый камешек. Асин переминалась с ноги на ногу, пальцами продолжая терзать ремешки и застежки, нервно цепляясь за них ногтями. Она поднималась на носки, пытаясь заглянуть за спины людям, но тяжелый ранец тянул вниз, и с каждой секундой прячущийся Железный Город становился в ее глазах все более загадочным. Асин чувствовала его горячее дыхание кожей. Высокие серые стены нависали над ней, а то, что скрывалось за ними, гремело и стрекотало, изрыгало в воздух клубы пара. Там не было привычных голосов. Ничего человеческого, только машины.

– Добро пожаловать в Железный Город! – радостно воскликнула госпожа Тете, поаплодировала себе и отошла в сторону, радушно приглашая гостей следовать за собой.

Заброшенный храм

В первые минуты Железный Город восхищал Асин всем, даже тем, что, казалось бы, должно отталкивать. Вроде мертвого дерева у гостиницы, ползущего по улицам дыма или едкого, щиплющего нос запаха. Асин будто вырвалась из кокона, уютного, любимого, но однообразного, и теперь хотела впитать как можно больше нового, интересного, чужого.

Но вскоре высокие стены, окружавшие город, ленты дрожащих рельсов над головой и железные скаты крыш с круглыми черными провалами окон начали давить. Словно Третий не терпел чужаков и всячески пытался выдворить их. Хмурые лица людей заставляли Асин чувствовать себя виноватой, прятать глаза. Сухие ломкие листья хрустели под ногами, и в этом хрусте она слышала: «То, к чему ты так привыкла – фигурные кусты и цветы с желтыми шапочками, – здесь неизбежно умирает». Асин брала их в ладони, гладила пальцами выступающие бледные хребты и тонкие, точно вены, жилки. Она не поднимала головы – над ней не было солнца – и не улыбалась прохожим. Хотя Железный Город все еще был диковинкой, необычной, манящей, он пугал. Возможно, потому что рядом не было того, с кем Асин могла разделить прогулку, впечатления и мысли.

Еда здесь отдавала маслом и горечью. Госпожа Тете сказала, это с непривычки, но Асин уговорила себя съесть один

лишь серый суп, который, как ей казалось, хотел сбежать. Он грузно колыхался каждый раз, когда она передвигала тарелку, а белые гренки в нем разбухли и расползлись.

Именно поэтому, ступив на «Небокрушитель», Асин вцепилась в свой ранец и обхватила его обеими руками. А стояло из-за дыма показаться знакомому манящему небу, как она запрокинула голову и вдохнула все еще горьковатый воздух.

Обжигающие слезы побежали по щекам, собираясь крупными каплями на подбородке. Падая, они разбивались о плотные кожаные ремни.

– Бул-ка, – раздался знакомый голос, и над больным плечом зависла тонкая длиннопалая ладонь. Но так и не опустилась, так и не хлопнула по перетянутым присохшими бинтами пульсирующим ранам. – Эй, ты чего плачешь? – Судя по тому, как сменился тон, Вальдекриз несколько растерялся.

– Все хорошо, – шмыгнула носом Асин и попыталась улыбнуться, но губы тут же задрожали.

Он неловко потоптался на месте, пошкрябал ногтями за ухом – запутавшиеся в волосах серьги почти не колыхнулись, – а затем произнес довольно неожиданное:

– Обнять?

Она, конечно же, собиралась ответить коротким вибрирующим «нет», но голос не слушался, как, впрочем, и все тело. Поэтому Асин лишь кивнула и упала ему на грудь, содрогаясь от тихих рыданий. Вальдекриз положил одну ладонь

между ее лопаток, второй примял вьющиеся пряди на затылке и принялся покачиваться в такт с покоряющим высоту «Небокрушителем».

– Тише, тише, Ханна, – зашептал он ей на ухо. Он не прижимал ее близко, просто окружил теплым коконом из рук.

– Устроили тут, – слышалось недовольное ворчание, и нос защекотал горький табачный дым.

– Да успокойся, дедуля. – Вальдекриз отвел в сторону волосы Асин, чтобы она смогла поднять на Атто глаза. – Она просто переутомилась. Да и не ела толком. Посторожишь ее? Я пока достану гренки из сумки, пусть хоть что-то в себя закинет.

– Их суп похож на редкостное дерьмо! – авторитетно заявил Атто и опустил ладони, грубые, с обломанными ногтями, на плечи Асин. – Будто его уже кто-то ел. Иди. Пока она тут не свалилась.

В отличие от Вальдекриза, Атто не стремился укутать ее собой. Он развернул Асин к фальшборту, подставив ее заплаканное лицо ветру, чтобы тот смахнул тяжелые соленые капли с ресниц, и погладил большими пальцами замерзшие плечи. Сама Асин принялась яростно тереть щеки ладонями, стараясь как можно скорее привести себя в порядок и убрать следы тяжелой тоски по дому.

– Твоя мать плакала, когда злилась, – сказал Атто. Было слышно, как он усмехнулся. – А злилась она часто.

– Вы знали ее?

– Конечно знал. А кто ее не знал, Асин...

Слезы вновь подступили – к глазам и к горлу. Они душили, щипали и жгли. Но, пряча их, Асин просто смотрела вперед, на зависшее над горизонтом солнце и тонкие рваные облака. Туда, где не было густого, скрывающего все вокруг дыма. Туда, где бились об небо волны и шумел океан, так любимый мамой.

– Она ж приютская. Как я. И Мирра. – Атто рубил предложения, делал паузы. И улыбался словами. – Помню, как ее привели. Я тогда чуть помладше тебя был. Четырнадцать, может. Или меньше. А она – так совсем малая. Ее нашли в океане. Она плыла по волнам, вцепившись в какую-то доску, и орала. Пока голос не сел. – Он замолчал и дыханием взъерошил волосы у нее на макушке. – Так ее и притащили. Маленькую, бесцветную. Она правда была серой. Вся. Кожа, волосы, глаза. Держалась за доску, кричала и плакала, если ее пытались забрать. Позже я сделал из той доски... – Он легко побарабанил пальцами по плечу Асин, и она обернулась.

Видимо, на коже по-прежнему виднелись следы высыхающих слез. Их Атто легко стер дрожащей ладонью. Уголок его губ дернулся, а в уголках глаз появились морщинки – крохотные птичьи лапки, совсем как у папы. Атто подцепил шнурок на шее, уходящий под ворот рубашки.

– Подвеску? – удивилась Асин.

– Для нее. Маленькое деревянное крыло. Потому что даже

киты парили. А она – нет.

– Крыло без птицы, – мечтательно вздохнула Асин, но Атто будто совсем не слушал ее.

– Все думали, что слепая. Она слепая. Марь.

От имени мамы, пусть и неполного, Асин вздрогнула. так давно оно не звучало, будто было запретным.

– А потом что-то изменилось. Серый цвет ушел, а глаза – яркие такие, любопытные, знаешь, – стали все изучать. Правда, своеобразно. Дралась она часто. Прямо в лицо. – Атто выбросил вперед кулак – Асин чудом успела отпрянуть, а плечи его затряслись от беззвучного смеха. – Такая она была девчонка. А если ругали, скалилась и плакала. И убегала к краю острова.

Он замолчал. Порылся в карманах, в которых что-то шуршало, постукивало и перекатывалось, вытащил оттуда поломанную травинку, пахнущую, как и вся его одежда, Железным Городом, и сунул в зубы. Асин в нетерпении затопталась. Слезы высохли, и она глянула на Атто снизу вверх, надеясь на продолжение истории. Но в тишине слышалась только далекая ругань членов команды да свист ветра над головой.

– А что было дальше? – все-таки осмелилась спросить Асин.

– Разве Джехайя тебе не рассказывал? – удивился Атто. – Марь... ее же назвали Маритар, потому что она была дикая, как волны, и такая же дурная. В общем, больше всего Марь

злило, когда ей говорили, что у нее нет никого. Она кричала, хваталась за голову. На людей бросалась. Мой нос до сих пор свистит после ее удара. Ей тогда под руку попала какая-то деревяшка. Ну, я ей, конечно, сказал, что тварь она. И пожелал сдохнуть, – неловко добавил он и пожал плечами. – Потом, естественно, ходил извиняться. А она тихонько так ответила, что придут за ней. Придут и заберут.

Сердце вдруг сжалось от пронзительного знакомого звука. Так скрипит дверь родного дома, которая открывается лениво и медленно, так с трудом катится старенькая телега, везущая на Рынок вкусности. Так поют киты, эти добрые великаны с блестящими гладкими спинами. Как в детстве, Асин легла грудью на фальшборт, перегнулась через него, посмотрела вдаль и за белым пенным кружевом, взлетающим в воздух, увидела их. Далеких, черных, ловящих солнце. Свободных. Так давно не говоривших с ней. Они поднимались из воды, помогая себе широкими плоскими плавниками, кружились в одном лишь им понятном танце. С раскрытым ртом Асин наблюдала за ними, пока Атто не схватил ее отцовским жестом за шкирку и не оттащил подальше.

– Вот порой – совсем ничего от нее, от Марь. А сейчас даже заметно стало – ее дочь, – усмехнулся он, и Асин ничуть не обиделась.

– Простите. – Она виновато опустила голову, чтобы только не встречаться с его внимательным взглядом. – А маму... ее потом забрали?

– Забрали. – Он выплюнул травинку за борт. – Вернее, пропала она тогда. Я думал, может, и правда померла. Или в воду кинулась. Она странная была. Марь, – добавил он, словно ему нравился огрызок маминого имени. – А потом пришла, через пару лет. В новом платье, в башмаках. Посмотрела так гордо, гаденько, снизу вверх и сказала: «Говорила тебе». А она мелкая была, вот как ты почти...

Вдруг он закашлялся – долго, хрипяще: острые слова явно оцарапали горло, не оставили в нем живого места. Асин почти физически ощутила это и схватилась пальцами за свою шею, словно так могла выскрести, вытащить ненужное, чужое. Дыхание Атто было рваным. Кулак с выступающими шершавыми костяшками врезался в грудь, пытаюсь выбить оттуда остатки кашля. Но вместо него изо рта вылетали тихие отрывистые проклятия. Затем Атто прижал ко рту жесткую изломанную манжету и застыл. Асин положила ладонь ему на спину – так мягко, как только могла, – и легонько провела вниз по осязатому даже через ткань позвоночнику.

– Вальдекриз! – позвала Асин, не оборачиваясь: все внимание занимал Атто. – Захвати его куртку, пожалуйста. – «Если слышишь» – хотела добавить она, но проглотила, громко и как-то тяжело.

В ответ тут же донеслось недовольное:

– Да что я вам, мальчик на посылках, что ли?

– Уймись, – громко выдохнул Атто и, распрямившись, опустил на Асин усталый взгляд. Поднял руку, растопырил

пальцы, а затем резко сжал в кулак: мол, все с ним в порядке, он крепкий.

Над головами надрывно кричали птицы, а пение китов давно утонуло в шуме волн и мерном поскрипывании мачт. Атто сделал шаг, подался вперед, точно собирался упасть в хищный манящий океан. Но вместо этого поставил локти на фальшборт, сложил руки и опустил на них седеющую голову. Посмотрел туда, где остался Железный Город, и будто пропал – замер каменным изваянием, которому нет дела до людей.

– А я... – начала Асин, запнулась и все же продолжила: – Я почти ничего не помню о маме. А то, что помню, – она нервно усмехнулась, – рассказал мне папа.

Последние слова она бросила под ноги, как что-то ненужное. Наступит – и, может, забудет. Но почему-то именно на них Атто обернулся, глянул вниз, на запыленные ботинки Асин, затем на саму Асин и склонил голову. Она нахмурилась, не понимая, чего от нее хотят, и тогда он тепло, аккуратно, пытаясь не потревожить длинные рваные раны, приобнял ее за плечо.

– Он говорил, что мы совсем непохожи, – вздохнула она и провела ладонью по лицу, убирая упавшие на лоб короткие пряди.

– Внешне – нет. – Атто запустил пальцы в свои жесткие волосы, растрепал их и усмехнулся. – Но тебя, как и ее, тянет к волнам.

Послышались шаги, легкие, пружинящие – так ходят только очень довольные собою люди, те, кому посчастливилось проснуться в добром расположении духа или найти что-нибудь, что его улучшит. Вальдекриз, к сожалению, нашел. Гренки в сумке Асин, которые теперь нес высокой стопкой, периодически откусывая уголки то от одной, то от другой.

– И к странным людям, – добавил Атто и, убрав руку, отстранился.

Поравнявшись с ними, Вальдекриз тряхнул плечом. Тяжелая кожаная куртка громынула пряжками на ремнях и принялась медленно сползать по спине. Атто стащил ее резким движением и набросил на себя, не поблагодарив, но Вальдекризу было все равно: куда больше его занимали гренки.

– Слушай, булка, – не прекращая жевать, сказал он, – а ничего такие. Не жесткие. С каким-то сладковатым привкусом, ягодным даже. Это земляника? Нет? Ты их сама готовила?

– Папа, – не без гордости ответила Асин. – Он делает надрезы и кладет внутрь перетертые ягоды. А у меня они, – она с теплотой посмотрела на угощение, – убегают из кармашка на сковородку.

К запаху раскинувшегося внизу океана добавился запах сушеного хлеба и едва уловимый – ягод. Асин сложила ладони ребром к ребру – и в них легли три пышные румяные гренки, твердые снаружи, но мягкие внутри. Четвертую, видимо, за хорошую работу, стянул Вальдекриз. Он улыбнулся.

ся своей привычной кривоватой улыбкой, но теперь в самом уголке ее, где появлялась небольшая полукруглая складочка, налипли крошки. Асин потупилась, чтобы по взгляду ее не читалось удивление: и как только его, такого нескладного, примечают женщины?

– Научишься еще, – подбодрил ее Вальдекриз.

– Атто, угощайтесь. – Асин протянула ему ладони и зажмурилась – от яркого солнца, встречного ветра и разлившегося внутри чуть горьковатого тепла. – Кто знает, когда мы сможем поесть в следующий раз.

Он улыбнулся глазами, совсем как папа, взял одну гренку и разломил надвое, выпустив наружу перетертые ягоды. Взгляд его вновь обратился на почти спокойную, лишь иногда перекатывающуюся волнами воду. Так они стояли, пока корабль, вспарывая носом небо, лениво двигался к цели, – три почти окаменевшие фигуры на дышащем жизнью борту. Никому не было до них дела, точно они перестали существовать для всех, даже для самих себя.

Когда от гренок остались лишь сладковатый привкус и налипшие на одежду крошки, Асин ожила, взлохматила руками волосы, пока они не сбились в колтуны, и сказала:

– Я хочу вернуться в Железный Город. – И это для нее было самым серьезным испытанием. Куда бóльшим, чем неизвестный остров и скрытые аномалии. – И попробовать еще раз.

– Что попробовать? Суп госпожи Тете, похожий на пере-

тертые камни с землей? – фыркнул Вальдекриз.

– Да хотя бы и его! – воскликнула Асин. – Я так и не видела паровоз, не забиралась на подвесные мосты высоко-высоко над головой, не ходила в самое сердце Третьего. Я... – Она обхватила пальцами длинные пряди волос и с силой потянула вниз.

– Смело, – Атто одобрительно закивал.

– И глупо, – добавил Вальдекриз. – Знаешь, однажды мне пришлось съесть какого-то грызуна. Поймать, ударить об...

– Хватит, – резко оборвала его Асин, чувствуя, как все внутри перевернулось.

– Я к тому, что если вдруг что-то не нравится, не следует к этому привыкать. А ты пытаешься привязать Железный Город камнем к своей ноге и показать окружающим, что тебе не тяжело. – Он пожал плечами и, достав из поясной сумки отвертку, принялся чистить ею ногти. – Если тебе действительно интересно, можешь прогуляться со мной, раньше я частенько здесь бывал. Или с дедулей, – он кивнул на Атто. – А если нет, просто потерпи. И впредь старайся воспринимать подобные вещи как вынужденную необходимость.

– Только ты забываешь, – Атто протяжно выдохнул, – что вся наша жизнь – вынужденная необходимость. Если мы хотим стать по-настоящему ценными, нужно быть готовым ко всему. Я могу составить тебе компанию, Асин. К тому же ты могла бы привезти Джахайе что-то из Железного Города. Настало твое время заботиться о нем.

Слова взвились, завертелись, а затем укутали ее теплыми родными объятиями. Атто был прав: раньше, отправляясь в дальние странствия без нее, папа возвращался с подарками, а теперь и она могла покупать на свои деньги что-то нужное, полезное или хотя бы просто вызывающее улыбку. Она оглянулась – туда, где таял черный дымный силуэт острова, с трубами, перетянутыми двумя поясами красных огоньков, и грохочущей железной дорогой, лентой огибающей город. Асин обязательно вернется, распахнет калитку, протянет сумку и скажет: «Гренки были очень вкусными. А это тебе, пап».

Асин вновь перегнулась через фальшборт. Слезы, на этот раз легкие, как крохотные прозрачные бабочки, слетали с ее лица, падали и пропадали в синеве океана.

Когда корабль замер над островом, небо уже начало окрашиваться в оранжевый, а солнце зависло над волнами раскаленным шаром. Его лучи лежали на воде длинной ребристой дорожкой, которая подрагивала от легких порывов ветра. А над облаками, похожими где-то на взбитые яичные белки, где-то – на пух не до конца оперившихся птиц, рыжина еще не тронула бело-голубое гладкое полотно.

Остров внизу был зеленым и диким. Ровные стволы деревьев, обвитые лозой, облепил мох. Небольшая листва их почти бесшумно колыхалась от ветра, зато густые кроны шуршали и мелко тряслись. Из земли выныривали широкие су-

хие корни – змеями лежали на ступенях ведущей вверх лестницы. Каменные фонарики по ее бокам – в основном обезглавленные, треснувшие – все же не утратили своей красоты. Асин живо представила, как в стоящих на пьедесталах коробах с квадратными или круглыми окошками загорался свет. Возможно, слишком тусклый, чтобы бороться с темнотой, но теплый, мягкий, указывающий людям путь.

В самом конце этой серой, очень длинной лестницы возвышался он – храм с куском изогнутой крыши, черно-белый, приземистый, широкий. Часть его провалилась внутрь, оставив один лишь каменный угол и парочку колонн, которые удерживали козырек, похожий на невысокую волну.

Первым, потуже затянув ремни на груди и ногах и бросив через плечо короткое «Там ничего нет», «Небокрушитель» покинул Вальдекриз. Асин успела лишь вскрикнуть, кинуться к фальшборту, но он уже летел вниз, раскинув руки, точно крылья. Многие задавались вопросом, как встретит их остров, и мялись в нерешительности, ведь там, среди травы и деревьев, среди разноцветной листвы, ковром лежавшей под ногами, их могло ждать что угодно. Лишь Вальдекриз будто и правда знал: аномалий внизу нет. На слово не поверил никто, но, когда он приземлился, остальные стали прыгать следом, один за другим.

Так на «Небокрушителе» остались лишь Асин и Атто. Последний долго о чем-то беседовал с капитаном Альваром. Временами он оборачивался и поглядывал на видневшийся

за бортом рваный кусок острова, хмурился и хлопал ладонью по сумке, болтавшейся чуть пониже груди. Один раз там что-то грохнуло, будто железо ударилось о железо, но Атто ту же затянул ремни, и звук стих. Наконец, щелкнув каблуками, отсалютовав и получив в ответ низкий поклон, Атто направился к Асин, попутно поправляя тяжелый ранец за своей спиной.

– Готова? – спросил он, и кривая, но добродушная улыбка растянула его губы.

– Да, – не слишком уверенно ответила Асин. Она неловко, покачиваясь из стороны в сторону под тяжестью крыльев, развернулась и поставила ногу на фальшборт.

Сердце на миг остановилось – от ощущения ветра в волосах, от ждущей впереди неизведанности. И, конечно же, оттого, что Асин вновь забыла летные очки. Они ждали своего часа рядом с двумя оставшимися гренками, завернутыми в белую ткань, и платьем, которое она зачем-то захватила с собой. И если Атто не обращал на подобное внимание, то Вальдекриз запоминал каждый ее промах, а затем, будто невзначай, бросал его прямо в лицо. Казалось бы, Асин старалась держать в голове все, но в последний момент что-то всегда вылетало.

Ветер бил в спину, не давая себя поймать, а остров, на который бросил свою грязную тень корабль, стремительно приближался. Асин приземлилась на зеленый ковер из стелющихся растений и мха, опустила на одно колено, но крылья

хлопнули, выгнулись, и ее ожидаемо потянуло вперед. Подбородок врезался в мягкую почву, лицо оцарапали валяющиеся повсюду мелкие веточки. Асин зажмурилась, попыталась затормозить, но раненая рука, уставшая держать под контролем ранец, запульсировала – и боль разлилась по предплечью.

– Асин. – Рядом присел Атто, избавляющийся от широких кожаных ремней и стряхивающий на землю немалый груз своих крыльев. А вокруг уже выстроились люди – сочувствующие, которые, однако, не спешили протянуть ладонь. – В порядке?

– Да, – фыркнула в траву она и повела рукой по грязному лицу.

Хотелось то ли расплакаться, то ли выругаться. Но Асин просто тяжело дышала, приподнявшись на локтях. Влажные комья земли липли к рукавам рубашки, пачкали ткань.

– Будешь реагировать на них – сожрут, – наклонившись ближе, сказал Атто и тут же рявкнул так, что в ее ухе зазвенело: – Пошли вон! А ты – поднялась живо!

Как же Асин хотелось, чтобы он, подхватив ее под живот, помог подняться. И все же она встала сама, на ходу одной рукой избавляясь от тянущего вниз ранца. Столпившиеся люди расступились – отошли ровно на шаг: так они вроде не мешали Атто, зато могли перешептываться. Лишь один из них – юноша с раскосыми глазами и нерешительной улыбкой – протянул Асин платок.

– Ну ты дала, булка, – хохотнул Вальдекриз. Он спрыгнул со ступеней на каменную дорожку, короткую, разбитую и будто уходящую под землю. – Жива? – Он бесцеремонно отобрал платок у равнодушного юноши и принялся стирать грязь с лица Асин. – Выглядишь неважно.

– Жива, – выдохнула она и тихо, чтобы никто не услышал, шмыгнула носом.

Зашуршали чужие ранцы – их, помеченные, стаскивали в одно место, между корнями кривого широкоствольного дерева. Крылатые люди собирались и, переговариваясь, решали, кто и куда направится. А Вальдекриз продолжал сосредоточенно тереть грязные, исцарапанные ветками щеки Асин, иногда отстраняясь, чтобы их осмотреть. Он слышал все: это можно было понять по тому, как он усмехался, хмурился или качал головой. Просто не отвечал.

– Ты. – Атто тем временем обвел собравшихся взглядом и выбрал кого-то. Кажется, наугад. – Останешься сторожить ранцы.

Девушка, тонкая, долговязая, с русой косой, лежащей на худых плечах, указала на себя и удивленно посмотрела на него из-под выгоревших бровей. Слегка замявшись, она задала вопрос, который, наверное, навязчиво звенел в головах всех присутствующих:

– Почему не она? – девушка кивнула на Асин.

– Потому что она со мной, – ответил Атто и, вырвав платок из рук Вальдекриза, вернул законному владельцу. –

Еще вопросы?

Стало заметно холоднее. Даже те, кто переживал за упавшую с неба Асин, теперь молча осуждали ее – и эта замершая тишина давила куда сильнее ранца. От нее хотелось спрятаться. Хотя бы за спиной Вальдекриза.

– Мы с Ханной идем на нижние этажи, – сообщил он, будто не замечая дрожащего в воздухе напряжения. – Там можно найти что-то ценное.

– Откуда ты знаешь, что они здесь вообще есть? – поинтересовался Атто.

– Читал об устройстве таких храмов. – Вальдекриз размял запястья и обернулся туда, где ветер гонял по лестнице сухую листву. – Наверху, вон там, – он указал на черную, лишь чудом не обрушившуюся крышу, – проводили обряды, молились. Палки вонючие жгли, танцевали. А внизу поначалу были жилые помещения. Позже там стали хранить подношения. А если случалось что – на храм, например, нападали – туда тащили все ценное. Картины, статуэтки, украшения. Понимаете? Мы идем на нижние этажи, дедуля, – тихо повторил он, улыбаясь по-особенному неприятно.

Над головами хлопнул парусами «Небокрушитель», пришел в движение, накренился. Затрещала крепкая древесина, закрипели мачты. Асин запрокинула голову. Огромная тень, укрывавшая ее, подобно плащу, слетела, и вместо нее на остров упал едва согревающий солнечный свет. Асин подставила ему лицо и ладони, изодранные, покрытые еле за-

метными кровавыми бусинками, и сказала твердо:

– Я остаюсь.

Это решение дружно поддержали те самые равнодушные, которые совсем недавно готовы были винить ее во всех своих бедах. Кто-то похлопал Асин по плечу, кто-то поднял ладонь в знак одобрения. Она уже собралась идти к лежавшим друг на друге ранцам, когда ее остановили, грубо схватив за ворот и потянув назад.

– Решения здесь принимаешь не ты, – прорычал прямо над ее макушкой Атто, резко развернул Асин за плечи к себе и скомандовал: – Ханна, Вальдекриз и я – главный зал и прилегающие к нему помещения. Оставшиеся четверо – на вас окрестности.

– Пятеро! – поправила его та самая русая девушка, сдвув длинную, свисающую до самого подбородка челку.

Но это заявление, как и дерзкий жест, отражающий все ее возмущение, оставили без внимания.

– Поняли? – повысил голос Атто. И на этот вопрос был лишь один ответ.

По ступеням поднимались неспешно. Первым шел Атто с той самой тяжелой, туго затянутой ремнями сумкой на груди. Он подбирал небольшие серые камни и швырял вперед. Конечно, Вальдекриз сообщил, что не обнаружил поблизости аномалий, но Атто предпочел проверить все сам. Он молчал, молчали и остальные. Асин терла заледеневшие ладони, убирала их в задние карманы штанов, прижимала

к бедрам – тщетно.

Вокруг шумели деревья, которые казались золотыми в лучах уходящего солнца, и щелкали скачущие по ступеням камешки. Хрустела под ногами давно высохшая листва, коричневая и хрупкая, скребли по лестнице склонившиеся стебельки. Каждый звук, привычный и безобидный, заставлял Асин вздрагивать. А когда ее плеча коснулись тонкие пальцы с острыми ногтями, она дернулась, запуталась в ногах и лишь чудом не упала лицом вперед.

– Ты чего так пугаешься? – тихонько усмехнулся Вальдекриз. – Я просто спросить хотел: у тебя хоть оружие есть?

– Оружие?

Никогда раньше Асин не задавалась таким вопросом. К ситуациям, когда нужно защищать себя, она была не готова. Об этом хорошо напоминал так и не отстиравшийся кровавый след на неаккуратно, зато самостоятельно зашитой рубашке.

– Да, каждый из нас таскает что-то свое. То, с чем умеет обращаться. Я, например...

Без лишних слов он отщелкнул пряжку на поясной сумке и достал знакомую отвертку. Ее Вальдекриз вертел между пальцами, подбрасывал и ловил, всячески демонстрируя, как хорошо чувствует инструмент. А затем она упала обратно – и звякнула, ударившись о лежащий на самом дне металлический хлам.

– Нож еще. На всякий случай, – добавил Вальдекриз.

– Слушай... дай, – не подумав, выпалила Асин. Она не слишком понимала, на какую реакцию рассчитывала. Но ответом ей был смех.

– А толку? Ты же им скорее себя порежешь, чем кого-то. Просто держись меня. – Он поправил ворот рубахи и нескромно заявил: – Считаю, я твое оружие. Пока что.

Асин прыснула в кулак, и от такой вольности – пусть даже этого никто, кроме Вальдекриза, не заметил – уши ее запылали.

Храм встретил их тревожным молчанием. Площадь вокруг него была выложена серым камнем, а редкие деревья, обнесенные низенькими столбцами, не шумели своими хвойными лапками. Стволы изгибались, будто в странном танце, и угрожали рано или поздно свалиться и уничтожить оставшуюся часть крыши. Ко входу – распахнутым дверям с выбитыми стеклами – вела широкая лестница всего в пять ступеней. Над ними нависал тот самый похожий на волну козырек, из-под которого спускались два толстых каната. Они мели своими грязными кистями усыпанный осколками пол.

Поднявшись на крыльцо, Асин коснулась одного из них, провела подушечками пальцев по шероховатой поверхности, оставив на ней розоватые разводы. Поравнявшийся с Асин Вальдекриз поднял кулак и жестом предложил потянуть. Сам же он, хлопнув в ладони, низко поклонился черным внутренностям храма, выглядывающим из-за дверей. Намо-

тав канат на руку, Асин медленно потащила его вниз. Раздался глухой грохот – с таким что-то маленькое и железное падает в неглубокую кастрюлю. Вскоре звук сменился тонким, нежным колокольным перезвоном. Асин подняла голову и заметила целую гроздь больших, размером с кулак, бубенчиков.

– Что ты делаешь? – зашипел кто-то.

В распахнутые двери, беззвучно покачивающиеся на петлях, влетел очередной камень. Он проскакал по полу, ударился обо что-то твердое и откатился. Тогда Атто отряхнул руки, сунул их в карманы штанов и, ссутулившись, шаркнул подошвой. Заскребли под его ногами битые стекла, захрустели, делаясь еще меньше. А бубенцы, так задорно звеневшие совсем недавно, вновь глухо загремели языками.

– Откуда ты знаешь, вдруг что-то прячется там, внутри? – спросил Асин тот самый добродушный юноша с платком, поморщившись.

– А это уже ее проблемы, не считаешь? – усмехнулся Атто и обратился ко всем: – Если наткнетесь на что-то, оповестите остальных.

– Как? – удивился юноша, распахнув глаза.

– Понабрали... – сквозь зубы процедил Атто и полез в сумку, раздраженно борясь с застежками трясущимися пальцами. – Вот, держи. – Он протянул юноше вытянутую картонную трубку с огибающим ее шнуром. – Это сигнальная гильза. Мог бы подумать. И попросить сам. По одной –

каждому.

– Кроме нас, – улыбнулся Вальдекриз, скрестив руки на груди.

– Слушай, если мы будем ошиваться под землей, это не значит, что мы не наткнемся на какую-то... – Атто выругался так, что Асин вновь покраснелась. – А в таком случае ты, тощий, метнешься вверх и зажжешь огонь. Понял?

Вальдекриз отсалютовал, на удивление даже не кривляясь. Но по ехидной ухмылке Асин поняла: его позабавило, что Атто назвал его тощим, хотя сам выглядел так, будто недоедал.

– Разошлись! – рявкнул Атто и вложил последнюю гильзу в руки Вальдекризу. Тот сунул ее под пряжку поясной сумки.

Лестница перед входом в храм опустела. Асин, Атто и Вальдекриз шагнули в темноту, в которой можно было различить широкий коридор с деревянным, местами поломанным полом и валяющимися бумажными фонариками – удивительно, как они не превратились в труху. Остальные скрылись за невысокими деревьями, перепрыгнув каменные ограждения с низенькими толстыми столбиками.

– Слушай, мне вот что интересно, – произнес Вальдекриз, расхаживая взад-вперед по усыпанному сияющими стекляшками полу и нарочито громко стуча каблуками, – а чего тебя сюда потянуло, дедуля?

– Да вот, девочке, – он очертил ладонью круг в воздухе, явно пытаясь вспомнить имя, но то, очевидно, вылетело

из головы, – серьги обещал подарить.

Асин и Вальдекриз непонимающе переглянулись, а затем одновременно протянули: «А-а-а» и закивали. Атто говорил об оставшейся в приюте Мирре.

– Так она же их сожрать попытается. Она, как бы помягче сказать, – однако Вальдекриз не собирался подыскивать слова поосторожнее и обронил то, что счел максимально точным, – тупая. В смысле...

Атто отвесил ему звонкую затрещину такой силы, что голова Вальдекриза, подобно цветку на тонкой ножке, дернулась. Теперь он стоял, стуча носом сапога и поднимая в воздух клубы серой пыли, и тер затылок – то самое место, куда прилетел удар сухой, исчерченной шрамами ладони. Атто же остановился у них за спинами и уставился вперед, на обвалившиеся деревянные балки, которые не давали дверям закрыться до конца.

– Не бойтесь, я не собираюсь вас пасти, – неожиданно сказал он и хлопнул их по плечам. – Вы же не скот. Разделимся, а там видно будет.

Оставив Вальдекриза и Асин позади, он вынул из кармана погнутую самокрутку, сунул в зубы и потер ладонью изрядно заросший подбородок. Встал у порога, уперся ногой в балку, изъеденную временем, и, порывшись в сумке, извлек оттуда...

– Револьвер? – хохотнул Вальдекриз. – А ты опасный, дедуля.

– Предпочитаю быть готовым ко всему, – бросил Атто и провел оружием по плечу. Барабан со щелчком провернулся.

Вскоре Атто ловко перемахнул через балку и широко зашагал вперед, пока его не поглотила темнота коридора. Вальдекриз двинулся следом, и Асин решила не отставать, даже хлопнула в ладоши для верности, как делал он, когда они только явились. Он усмехнулся, взял ее за локоть и помог осторожно перебраться через балку. Асин с благодарностью смотрела на него, шагая вперед. Вальдекриз улыбался, приоткрыв рот, и она видела кромку его ровных зубов. Сейчас он напомнил ей о каменных фонарях: быть может, не светил ярко, но совершенно точно был маяком, без которого она давно бы разбилась. И все же Асин оторвала от него взгляд, посмотрела вбок, туда, где через двери-перегородки из тонкой полупрозрачной бумаги пытался проникнуть свет.

В комнате дальше, с отодвинутой в сторону дверью, у одной из обвалившихся стен Асин заметила невысокий прямоугольный столик вроде каменного алтаря, рядом с которым валялись изогнутые, оплавленные местами свечи, развернутые свитки и битые бутылки из синего и зеленого стекла.

– Эй, булка, смотри! Предлагаю оставить дедулю одного, ты же не собиралась ходить за ним хвостиком? Мы и сами управимся! – Вальдекриз отпустил ее, чтобы указать вправо, на приоткрытую перегородку, за которой чернота казалась особенно густой. – Прислушайся.

Шаги Атто отскакивали от стен долгим эхом. Дождавшись, когда он отойдет подальше, Вальдекриз кивнул, подошел к перегородке, за которой клубился мрак, и отодвинул ее до конца.

Теперь Асин увидела: обвалилась не только храмовая крыша. В открывшейся ее взору комнате не было пола, вместо него зияла дыра. А там, внизу, валялись обломки камня, неровные от влаги листы и небольшой изогнутый стол, потрепавший ножку.

– Нинген явно пытается найти туда путь, – тихо сказал Вальдекриз, опустившись у края на одно колено.

– А ты не боишься, что нас... – Не договорив, Асин нервно сглотнула и кивнула на распахнувшуюся посреди комнаты пасть.

– Завалит? – Они услышали, как маленький камешек несколько раз ударился о стены и пол, прокатился и замер. – Вполне может быть, – ответил Вальдекриз и спрыгнул.

Асин ничего не оставалось, кроме как последовать за ним. Она села, спустила в дыру одну ногу – и Вальдекриз тут же ухватил ее за лодыжку. Конечно же, Асин ждала этого, но все равно вскрикнула, дернула ногой – судя по ругани, чуть не попала ему по лицу – и лишь после сползла на нижний этаж. Вальдекриз поймал ее, помог осторожно приземлиться и почти извинился. По крайней мере развел руками и кашлянул.

– В другую сторону пойдем, – шепнул он и, вновь взяв

Асин за локоть, потащил влево по коридору, состоявшему из стен и бумажных перегородок.

Этаж сохранился в идеальном состоянии – не считая, конечно, обвалившегося потолка в том месте, через которое Асин и Вальдекриз спустились. Двери отходили в стороны практически без усилий, а в широких комнатах, утопающих во тьме, царил порядок. На полках пылились книги, на столах стояли бутылки или каменные горшки, похожие на лодочки. В них росли крохотные деревца, которые не сбросили листву и не погибли. Однако Вальдекриз не останавливался, чтобы заглянуть в шкафы или открыть большие деревянные сундуки, украшенные толстыми, желтыми, точно солнце, плетеными веревками с пушистыми кисточками на концах.

– Куда мы идем? – спросила Асин и почти не услышала свой голос.

– Туда, – фыркнул себе под нос Вальдекриз, кивком указывая вперед. – Все самое интересное там.

– Откуда ты знаешь? – Она резко остановилась и отдернула руку, не желая дальше пробираться на ощупь – свет не проникал так далеко.

– Говорил же: читал об устройстве храмов. Ты вообще меня слушаешь? – Он резко развернулся и довольно ощутимо щелкнул Асин по лбу. – Задолго до того, как научился летать. Нужно только найти, чем осветить путь, но тут в каждой комнате стоят масляные лампы, похожие на клетки

для очень маленьких людей.

– Для птиц, – Асин тихо рассмеялась, за что снова получила щелчок по лбу.

– Ну вот, ты уже улыбаешься.

Смех Асин оборвался. Вдалеке – в той самой непроглядной темноте – вдруг забрезжил свет. Крохотный желтый огонек дрожал, разгорался, подлетая все ближе. Он парил на высоте чуть ниже среднего роста и покачивался, разгоняя черноту. А следом за ним беззвучно шла, вытянув тонкую руку, человеческая фигура.

– Что вы здесь делаете? – раздался мягкий женский голос. И все вокруг замерло.

Неумирающая армия

Девушка была тонкой, как веточка. Длинные черные волосы обрамляли белое худое лицо, а раскосые темные глаза в окружении густых ресниц смотрели удивленно. Алые губы, явно подведенные краской, приоткрылись в немом вопросе. Девушка стояла, сжимая в руке фонарик, и от ее дыхания слабый свет колыхался. От нее пахло холодом – как от только что выпавшего снега – и полевыми цветами. Лишь раз Асин видела сугробы, но воспоминание так и не поблекло.

– А вы что здесь делаете? – усмехнулся Вальдекриз, вежливо склонив голову.

– Я здесь живу, – спокойно ответила она и подняла фонарик чуть выше. Он покачнулся на железном кольце, заскрипел, и пламя его заколыхалось.

Странно, но запаха дыма или горячего масла Асин не чувствовала – только снег и цветы. Девушка стояла почти неподвижно, глаза ее двумя мутными стеклянными шариками смотрели на Вальдекрiza. На плечах лежала темная накидка, похожая на распахнувшуюся крылья птицу. На ткани выделялись маленькие белые пятна-звезды. Казалось, будто ночь укрыла девушку собой.

– А мы здесь не живем, – сказал Вальдекриз – и тут же получил легкий тычок в плечо.

– Вальдекриз! – зашипела Асин.

Она чувствовала, как горит лицо: наверное, даже в слабом свете фонаря румянец на ее щеках был хорошо различим. Ведь где-то неподалеку пустые (а может, и не пустые вовсе) комнаты обыскивал Атто, ища что-нибудь ценное. Да и сам Вальдекриз не прочь был поживиться – не книгами, одеждой или диковинными маленькими растениями, а вещами поинтереснее. И больше всего Асин боялась, что он озвучит свои планы. Поэтому она мялась, переступала с ноги на ногу, даже хотела пнуть его – некрасиво и невежливо. Но вместо этого открыла рот.

– Нас отправили обследовать храм и... – выпалила она и затихла.

В стеклянных глазах девушки отразилось невысокое желтовато-оранжевое пламя. Голова закружилась, Асин пошатнулась. Она хотела придумать что-нибудь умное, правдоподобное, но горло сдавило, а руки затряслись. В нос ударил запах сырости и плесени. Теперь храм даже пах запустением.

– Посмотреть, есть ли выжившие, – продолжил за нее Вальдекриз.

– И вынести все ценное? – девушка впервые улыбнулась, не разжимая губ.

– Почему вы о нас такого плохого мнения? – засмеялся он. – Неужели я так похож на проходимца?

– Да, – она выдохнула облачко пара в холодный воздух. – Вот только брать у нас нечего. Все уже вынесли.

Асин оглянулась. Она отчетливо видела на полках кни-

ги, на столах – цветастые бутылки с изогнутыми или просто длинными горлышками, а в углах комнат – тяжелые сундуки, красно-золотые, похожие на подарочные коробки. Судя по озадаченному выражению лица Вальдекриза, он думал примерно о том же. Да на любом из островов отдали бы многое за рукописи, пусть даже это будут давно забытые сказки.

– Умиравшему миру не нужны знания, – сказала девушка. Она стояла почти неподвижно. Лишь ветер, вырывающийся откуда-то из темноты коридора, трепал ее длинное темно-фиолетовое платье и блестящие в свете фонаря волосы.

А ведь когда-то мир и правда умирал – так говорили страницы древних томов, которые казались Асин довольно обшительными и загадочными. Это было задолго до появления летающих островов. В те недобрые дни люди гибли от неведомых болезней, а земная кора трескалась без видимых причин. И вот, истерзанный мир погиб, а на смену ему пришел новый, неизученный, но любящий людей, словно своих детей. Как же долго эта девушка не покидала стены храма? Скребущееся любопытство не давало покоя. Про себя Асин всеми силами пыталась сложить – знали только боги и папа, как же плоха она в сложении! – увиденное и сказанное, сложить хоть во что-то внятное.

Вначале, если верить совсем старым текстам, были лишь люди и природа. И книги. Конечно же, книги тоже были. Люди учились у природы, любили ее, брали что-то себе, но всегда щедро платили за это. В благодарность природа – мо-

жет, с капелькой волшебства – подарила людям клыки, когти и крылья, сделав их частью себя. Они неизбежно превращались в зверей, огромных зверей с человеческим сознанием.

В этом крылась главная проблема: люди оставались людьми. Забывали о прежней благодарности и только брали-брали-брали. Они вырубали леса и возводили на их месте дома, они убивали зверей и шили из их шкур красивые наряды. Природе это не понравилось, она решила забрать свой дар, оставив людей в их больших каменных городах голыми и беззащитными, без меха, перьев и когтей. Кто-то и сам устал быть зверем, понимая: в безопасном мире, где еда благоухает на прилавках, а огонь одомашнен, нет проку от животной сути. Медленно, мучительно люди вновь становились людьми, но не лишились при этом частички волшебства, которой, к сожалению, совсем разучились пользоваться. А впрочем, кто-то сохранил хвост, лапы или уши. Лишь птиц, больше всего любивших свободу, природа не тронула. Асин не понимала почему. А еще – этого ей, конечно же, никто не говорил – Асин всегда казалось, что крылатые разведчики вдохновлялись изображениями людей-птиц из ее самых любимых книг.

Стараясь не выдавать любопытства, Асин скосила глаза на ноги девушки, ожидая увидеть вместо них пушистые лапы с мягкими розовыми подушечками. Но ее ждало разочарование: из-под дивного платья выглядывали обычные человеческие ступни в деревянных сандалиях. И чуждых – вроде

так говорил Вальдекриз – носочках.

Вальдекриз представился и лихо прищелкнул каблуками высоких сапог, будто приглашая девушку на танец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.